
ВѢСТНИКЪ ЕВРОПЫ.

ФЕВРАЛЬ 1809.

№ 3.

ЛИТТЕРАТУРА и СМѢСЬ.

I.

НОВАЯ ПОЛИТИКА (*).

*O cives, cives! quaerenda pecunia primum est,
virtus post nummos.*

Вотъ правило новыхъ Полишковъ: „О граждане, граждане! сперва деньги, а послѣ добродѣтель!“ Смѣшно относитъ къ нашимъ Правленіямъ строгія правила древнихъ законодателей; всѣ ихъ способы народнаго и частнаго благоденствія были основаны на шрудной и печальной системѣ перлънїя. Не всѣ ли древніе Философы, Поэты, Историки, Орапоры, вооружаются противъ роскоши и богатства? Что слово, то сапира на торговлю. По ихъ рѣчамъ кажется, что вся-

(*) Насмѣшка надъ Французскою Полишкою.
No 5.

кой великой человекъ долженъ жить въ бѣдной хижинѣ, ѣсть одни корни и пить воду изъ глиняныхъ сосудовъ. По ихъ мнѣнію тамъ нѣтъ Республики, гдѣ люди смѣются, пляшутъ, хорошо пьютъ и ѣдятъ, и гдѣ забавы съ искусствами служатъ послѣ трудовъ успокоеніемъ.

Платонъ между прочими былъ и такой Фанатикъ нравовъ и добродѣтели, что онъ запретилъ строить города на рѣкахъ или на морѣ, боясь, чтобы жители, отъ спеченія торговыхъ людей, не заразились чуждыми пороками. Любовь къ удовольствіямъ казалась ему язвою. Онъ хотѣлъ, чтобы народы жили врознь, а города были монастырями. Ликургъ, будучи еще строже и неумѣреннѣе Платона, вздумалъ такую химеру превратить въ существенность. Онъ сдѣлалъ изъ Лакедемона обитель военныхъ монаховъ, которые всякой день мучили себя, чтобы послѣ храбро драться, и всякой день постились, чтобы сносить голодъ въ походахъ. Однимъ словомъ, всѣ древніе законодатели соглашались въ томъ, что надобно родъ человеческой держать въ рукахъ, штипать, мучить, и весь міръ обратить въ Фивскую пустыню. Такія странныя, Лапранскія мысли украшались высокопарнымъ суемудріемъ; без-

стыдные Софисты хотѣли даже увѣрить насъ, что все это дѣлается для нашей пользы. „Человѣкъ, говорили они, бываетъ „только несчастливъ отъ спраспей и „нуждъ своихъ; если удалимъ отъ него всѣ предметы желанія, потребности „и суетнаго любопытства, то удержимъ „его въ предѣлахъ Нашуры и подъ вла- „стію разума. Мы запрещаемъ въ са- „момъ дѣлѣ не истинныя забавы, а пред- „упреждаемъ только угрызеніе совѣсти „и раскаяніе.“

Желая въ двухъ словахъ вмѣстить все ихъ ученіе, скажемъ, что нравы и добродѣтели были тонкимъ ядомъ сихъ самовольныхъ образователей, сихъ политическихъ Янсенистовъ, которые никакъ не хотѣли вѣрить благодѣтельнымъ успѣхамъ человеческого разума. Соспояніе гражданскихъ обществъ было тогда нѣкоторымъ образомъ благопріятнѣе для такой системы. Множество малочисленныхъ, бѣдныхъ народовъ должноствовало думать о своей безопасности въ сосѣдствѣ народовъ сильнѣйшихъ и честлюбивыхъ. Тѣлесныя силы, умеренность въ образѣ жизни, мужество и терпѣніе были тогда самымъ дѣйствительнѣйшимъ оружіемъ. Искусство не изобрѣтало еще сихъ грозныхъ машинъ, которыя не имѣ-

юшѣ нужды ни въ силѣ, ни въ добродѣтели.

Философія и дальнѣйшіе успѣхи человѣческихъ знаній открыли намъ таинство соединяяшъ веселья съ дѣлами, роскошь съ силою и дурные нравы съ великими подвигами. Мы свергнули съ себя иго старинныхъ Моралистовъ, и новыми системами доказали ложь ихъ мудрости. Все приняло другой видъ; доходы стояшъ теперь на ряду съ добродѣтелями; торгъ занялъ мѣсто нравовъ; справедливость, безкорыстіе, бережливость, обратились въ ничтожество отъ расчетовъ корысти; всеобщее *гнетеніе* порываетъ умы къ опаснымъ предпріятіямъ и важнымъ открытіямъ; воображеніе летаетъ, и находитъ новые способы щастія и богатства; всѣ механическія искусства, всѣ науки истощаются для новыхъ средствъ защиты или испребленія людей; всѣ, одаренные великимъ умомъ, наперерывъ стараются украсить жизнь, умножить число пріятностей и наслажденій. Вездѣ опровергають заблужденіе; вездѣ бѣда и гибель предразсудкамъ, хотя и то правда, что мѣсто старыхъ и плѣнныхъ часто занимаетъ новыми и сильнѣйшими.

Число и быстрота движеній во всей Европейской Политикѣ чудеснымъ обра-

зомъ умножились; головы дымятся; богатство служитъ подстреканіемъ дѣятельной промышленности, роскошь питаетъ жизнь въ государствахъ. Алчность ко злату, нужному для удовольствія прасей, которыя прежде считались пагубными, раждаетъ нынѣ диво за дивомъ. Воспаленіе пороковъ произвело болѣе героическихъ дѣлъ, нежели древнія добродѣтели. Успѣхи человеческого разума, какъ въ Морали, такъ и въ Политикѣ, чрезвычайны; всѣ старыя навыки теперь бесполезны, всѣ старыя пословицы смѣшны. Литтература, которая питала нѣкогда духъ и сердце, стала одною забавою и пріятнымъ обманомъ. На что намъ языкъ Грековъ и Римлянъ, когда у насъ совсѣмъ другія идеи, другіе нравы и правила? Счетъ и мѣра составляютъ нашу Энциклопедію; художества, полезныя для войны и торговли, должны быть единственнѣмъ предметомъ нашего воспитанія.

Торговля сближаетъ людей, война раздѣляетъ ихъ. Торговля умножаетъ богатство, война истребляетъ его. Торговля есть источникъ жизни, война торжество смерти. Однакожь и та и другая имѣютъ вліяніе на общество, подобно какъ доброй и злой Геніи Зороастровы дѣйствуютъ на правленіе мѣра; обѣ соединя-

ются и взаимно служатъ подпоркою одна для другой. Торговля рождаеть войну: война пріобрѣтеніями распространяеть торговлю. Люди дерутся, чтобы удовлетворяеть нуждамъ челоуѣчества. Съ того времени, какъ роскошь удивительнымъ образомъ умножила сіи нужды, внѣшняя торговля сдѣлалась первою необходимосцію, а пропитаніе людей весьма трудною и сложною наукою. Не довольно того, что наши равнины покрыты скирдами, холмы виноградомъ, луга стадами: мы уже не можемъ довольствоваться своею пенькою, шерстью, хлѣбомъ и спадами своими. Нѣтъ, непременно надобно ѣхать вдаль за нашими потребностями. Должно привести сахаръ изъ Америки, кофе изъ Аравіи, чай изъ Китая, шелкъ и хлопчатую бумагу изъ Индіи, перецъ съ Молукскихъ острововъ, корицу изъ Цейлона.

Хотя бы мы, слѣдуя совѣстїу древнихъ философовъ, и рѣшились быть добродѣтельными, пожертвовать отечеству своими приходами и питаться единственно произведеніями нашей земли; но и тогда бы одна половина общества должна была продавать другой половину сіи чужестранныя произведенія, ибо ей нечѣмъ жить безъ того. Намъ должно или

оплачивать золото свое чужимъ мореплавателямъ, чтобы они привозили намъ сіи вещи, или имѣть свои Колоніи, чтобы мѣняться съ ними товарами.

И такъ не даромъ всѣ нынѣшніе умы обращены на торговлю, и не даромъ вся Философія состоитъ теперь въ Коммерціи. Трактаты о воздержаніи, безкорыстїи, умѣренности въ жизни, и сатиры на роскошь, на забавы и сластолюбїе, будутъ теперь не къ спати, смѣшны и даже противны благу общества. Когда человекъ умираетъ отъ жажды, то не время доказывать ему, что онъ напрасно хочетъ пить, а надобно подать ему воды. Первый законъ Государства есть: *существовать* — что для новыхъ, въ роскоши погруженныхъ Государствъ, не возможно безъ цвѣтущей торговли!

Изъ Journal de Paris.

II.

Когда онъ возвратится?

Прогуливаясь недавно въ окрестностяхъ Парижа, я встрѣпился съ моимъ прїателемъ N., который предложилъ мнѣ идти вмѣстѣ къ одному пустыянику,

игравшему нѣкогда въ свѣтѣ важную ролью. Мы шли нѣсколько часовъ по узенькой тропинкѣ, черезъ лѣсъ и луга; наконецъ увидѣли между двухъ холмовъ, покрытыхъ ильмами и березами, маленькую зеленую бесѣдку, осѣненную деревьями, на берегу быспраго ручейка. Будучи въ семь уединенномъ и дикомъ мѣстѣ, я съ трудомъ могъ увѣрить себя, что Парижъ отъ насъ не далеко. Бесѣдка не окружена ни рвами, ни стѣною. Кажется, что хозяинъ ея не читалъ исторіи Европейскихъ народовъ, и вѣритъ общей добродѣтели людей.

Старикъ лѣтъ семидесяти-пяти, пожилая женщина и собака, живутъ одни въ семь философскомъ домикѣ.

Насъ приняли съ искреннею учтивостию, свойственною человѣку, которой прожилъ вѣкъ въ изобиліи и въ большомъ свѣтѣ, и которой, будучи на краю могилы, говоритъ только, что онъ думаетъ и чувствуетъ. Нѣсколько креселъ довольно хорошихъ, прекрасныхъ картинъ, эстамповъ и книгъ, составляютъ все богатство эрмитажа. На дверяхъ написано: *Gratias tibi ago, fortuna, quae me cogis philosophari.* Эта надпись хороша, сказалъ я, если бы воры разумѣли Латинской языкъ и любили читать. — Однакожь они все раз-

вѣдывають прежде своего посѣщенія, отвѣчалъ товарищъ мой: сосѣдамъ же извѣстно, что въ зеленой бесѣдкѣ нѣтъ ничего, кромѣ книгъ и ежедневнаго запаса для хозяина, которой живетъ по строгимъ правиламъ мудраго Пифагора.

Подлѣ домика есть маленькой садикъ, гдѣ философъ разводитъ свои любимыя распѣнія (ибо у всякаго человѣка свой вкусъ въ Ботаникѣ), а въ кабинетѣ лежитъ травникъ (herbier), въ которомъ онъ хранитъ собираемые имъ въ полѣ цвѣты и травы. Ботаника есть любезная наука для всякаго возраста. Зрѣлище Природы служитъ наградою за бѣдствія гражданской жизни и несправедливоспъ рока.

Я опишу опчасти разговоръ нашъ съ хозяиномъ, какъ могу вспомнить. Мнѣ не позволено наименовать его; но скоро, можетъ быть, узнають, кто онъ, и всякой удивится, что Парижъ совершенно забылъ человѣка, нѣкогда столь извѣстнаго.

„Уже девять лѣтъ тому, какъ я „отъ добраго сердца простился съ надеждою и фортуною: Spes et fortuna valete. „Первая обѣщаетъ и обманываетъ; вторая смѣется надъ нами въ самыхъ своихъ „благодѣяніяхъ. Я скрылся въ то время, „когда мои соотечественники начали свои

„опыты. Мнѣ не нравятся системапи-
 „скіе Медики, которые любопытствуютъ
 „видѣть на больномъ дѣйствіе новыхъ
 „лекарствъ, и сравниваю съ ними новыхъ
 „Полишиковъ, которые испытываютъ
 „теоріи свои на гражданскомъ обществѣ.
 „Знаю, что многіе опыты производятъ
 „наконецъ нѣкоторыя хорошія слѣдствія
 „послѣ тысячи горестныхъ; но самъ не
 „желая быть въ числѣ жертвъ, не могъ
 „по справедливости и другими жертвовать.
 „Я былъ, какъ говорятъ, щасливцемъ
 „своего времени: Посломъ великаго Монарха,
 „богачемъ, Авторомъ, болѣе славнымъ,
 „нежели искуснымъ, какъ то всегда бы-
 „вало съ моими собратьями: потому что
 „одна природа и ученіе даютъ искусство,
 „а слава бываетъ часто слѣдствіемъ
 „знатности и проницанія.

„Я жилъ съ людьми всѣхъ Религій,
 „и видѣлъ, что во всякой люди могутъ
 „быть добрыми; вѣрилъ всегда Бо-
 „гу, потому что нѣтъ дѣйствія безъ
 „причины, и молюсь Ему не по Латинской,
 „не по Арабской книгѣ, а изъ глубины
 „моего сердца, думая, что чувство лучше
 „всякаго языка.

„Я былъ коротко знакомъ съ безсмер-
 „тнымъ Авторомъ Заиры. Излишняя лю-
 „бовь къ славѣ и холодность сердца уда-

„лили его отъ счастья. Онъ служилъ для
 „меня великимъ примѣромъ въ Морали :
 „черезъ него узналъ я, что ласка форшуны
 „и дары природы не могутъ еще сдѣлать
 „насъ благополучными. Онъ хотѣлъ слѣ-
 „довать правилу одного Лапшинскаго Авто-
 „ра : *щастливѣ потѣ, кому неприятели*
 „*завидуютъ!* но излишняя авторская суе-
 „пность его давала много власти надъ
 „нимъ врагамъ просвѣщенія и славы.“

Старецъ говорилъ намъ еще о поро-
 кахъ и низкомъ корыстолюбіи прежнихъ
 царедворцевъ, о гоненіи, претерпѣнномъ
 его родственниками и друзьями во время
 Революціи, и проч. и проч. Но онъ го-
 ворилъ безъ сердца, съ равнодушіемъ,
 и видѣлъ во всемъ одно необходимое дѣй-
 ствіе нѣкоторыхъ причинъ, подобное не-
 обходимому дѣйствію временъ года.

Мы уговаривали старца возвратиться
 въ свѣтъ, старались всѣми способами
 убѣдить его, и представили глазамъ его
 упренною зарю давно - обѣщаннаго намъ
 блаженства. Опечесство ему любезно. Я
 описывалъ благоденствіе мира, цвѣтъ на-
 укъ и художествъ, ободреніе талантовъ,
 возрожденіе торговли, испинную свободу,
 копорая заступила мѣсто необузданности,
 царство законовъ, раскаяніе Французовъ,
 торжество челоѣчества... Онъ колебался;

слезы показались въ глазахъ его. Мы думали, что побѣда близка... Но вдругъ онъ ушелъ въ другую комнату; черезъ нѣсколько минутъ возвратился, и подавая намъ листъ бумаги, сказалъ: „Я готовъ слѣдовать за вами, если вы можете разрѣшить мои сомнѣнія, на этой бумагѣ изображенныя. Будьте только чистосердечны. Трудно обмануть спарика. Стекло, которое украшаетъ всѣ предметы, есть игрушка молодости; лѣта разбила его въ рукахъ моихъ. Я долго былъ молодъ; но время мечтаній прошло, и вещи кажутся мнѣ въ подлинномъ своемъ видѣ.“

Я развернулъ бумагу, и съ живымъ любопытствомъ читалъ слѣдующее:

„Въ мое время знашныя были горды и жестокосерды. Есть ли и нынѣ знашныя? и новыя похожи ли на старыхъ?“

„Я повиновался людямъ и терпѣлъ отъ ихъ прихотей: возвратясь въ общество, точно ли однимъ законамъ буду повиноваться?“

Раздоры въ Религїи оскорбляли меня. „Согласились ли умы въ важнѣйшемъ предметѣ для человечества? не слышно ли и нынѣ адскихъ проклятій за различное мнѣніе о способахъ угождать Бо- жеству?“

„Желчь. изливается ли и нынѣ въ
 „произведеніяхъ ума? Ссорятся ли Авто-
 „ры? и поле Литтературы не еспь ли по
 „прежнему сцена Гладіаторовъ?

„Могу ли сказать челоѣку, которой
 „предспавляетъ въ себѣ рѣдкое соединеніе
 „таланповъ съ добродѣтелію: не раздѣляй
 „ихъ никогда; уже прошли тѣ времена,
 „въ которыя талантъ былъ ниспо безъ
 „хитраго исканія?

„Въ обществѣ, въ которое меня при-
 „зываете, занимаются ли женщины до-
 „машнею жизнью, а мужчины полезными
 „трусами?

„Не увижу ли опять, что Писатели
 „и судьи проповѣдуютъ одно, а сами дѣ-
 „лаютъ другое?

„Не богатство ли бываетъ мѣрою
 „уваженія людей въ свѣтѣ? и не уважа-
 „ютъ ли того въ обществѣ, кого въ душѣ
 „презираютъ?“

Пропускаю еще шесть или семь сотъ
 вопросовъ, равно затруднительныхъ.

Мы оставили въ покоѣ спарца, и воз-
 вращаясь въ Парижъ, нѣсколько разъ гово-
 рили другъ другу: когда, когда онъ воз-
 вратится?

Изъ Décade.

III.

О дикомъ человѣкѣ въ Парижѣ.

Всѣ журналы говорили о дикомъ мальчикѣ, найденномъ въ лѣсахъ Каннскихъ, и привезенномъ въ Парижъ Профессоромъ Бонаперомъ. Любопытные спѣшили видѣть его; но крайне удивились, нашедши въ немъ, по ихъ словамъ, *деревяннаго* *человѣка*, которой не показывалъ ни малѣйшаго вниманія, ни на что не смотрѣлъ, ничего не слушалъ, не имѣлъ никакого понятія — и любопытство скоро охладѣло.

Между тѣмъ и *духъ системы* произнесъ строгое свое рѣшеніе. Люди, которые въ уединенномъ человѣкѣ находятъ истиннаго *человѣка природы*, счишаютъ дикое его состояніе не только первобытнымъ, но и совершеннѣйшимъ, а гражданскую общственность развратомъ. Сіи философы разсердились, что дикой *человѣкѣ* столь глупъ и непривлекателенъ, и бытіемъ своимъ опровергаетъ ихъ гипотезу. Къ упѣшенію своему они положили, что сей мальчикъ родился безумнымъ отъ недостатка какихъ нибудь физическихъ органовъ или моральныхъ способностей.

Легкіе умы подтвердили сіе рѣшеніе, „Дикой человекъ кажется безумнымъ: слѣдственно онъ безумной“ — такова была ихъ Логика!

Даже и нѣкоторые просвѣщенные люди приняли сіе мнѣніе. Докторъ Пинель, копорой излечилъ многихъ сумасшедшихъ, съ величайшимъ вниманіемъ разсмапривалъ физическое и моральное состояніе дикаго найденыша, сравнивалъ его съ другими безумными дѣшми, нашелъ сходство, и заключилъ, что онъ самою природою осужденъ на безуміе.

Но другіе осторожные Философы не хотѣли согласишься на такой жестокой приговоръ, думая, что однѣ моральныя причины, безъ всякаго физическаго недоспапка, могли произвести дѣйствіе безумія; что долговременное уединеніе и скопская жизнь должны были непременно погасить душевныя способности во младенцѣ, не имѣвшемъ никакого предварительнаго моральнаго воспитанія, и сдѣлать его невнимательнымъ ко внѣшнимъ предметамъ. Они подтверждали свое мнѣніе всѣми наблюденіями, доказывающими какъ вліяніе общественной жизни на развитіе душевныхъ способностей, такъ и связь идей съ нуждами человека. Имъ казалось, что

мудрее искусство можетъ еще возбудить спящій умъ дикаго.

Они означили и лучшую методу для успѣха, и слѣдуя Локку, Кондильяку, Боннети, говорили, что прежде соображенія идей въ головѣ дикаго, надлежитъ произвести ихъ; чтобы ихъ произвести, должно возбудить его вниманіе; а единственнымъ способомъ къ тому могутъ служить его нужды. Какъ ему понять знаки, когда онъ не имѣлъ ни одной изъ выражаемыхъ ими мыслей, когда ничто не заставляло его примѣчать ихъ? И такъ надлежало дѣйствовать на чувствительность дикаго, чтобы прервать его вседневное усыпленіе, которое могло быть въ немъ слѣдствиемъ совершеннаго равнодушія къ сему новому и чуждому для него міру.

Человѣколюбіе согласно было съ ихъ мнѣніемъ, и найденыша опирали на руки искусному Медіку природно - глухихъ и немыхъ, гражданину Итару, чтобы онъ испыталъ надъ нимъ все извѣстныя ему физическія и моральныя средства.

Съ сердечною радостію уведомляю Публику, что надежда Философовъ исполняется, и ревность человѣколюбія получаетъ свою награду. Въ короткое время Г. Итаръ произвелъ удивительныя дѣй-

снвїя. Я видѣлъ ихъ собственными глазами. Прежде всего онъ старался умножить потребности своего питомца, и овладѣть его вниманіемъ въ топъ самой мигъ, когда онъ обнаруживались. Метода его была слѣдующая: —

Осязаніе дикаго казалось мертвымъ: онъ не чувствовалъ ни холода, ни жара; обоняніе и вкусъ были въ такомъ же усыпленіи. Частыя теплыя бани размягчили его нервы; радость и досады, нарочно въ немъ возбуждаемая, также способствовали успѣхамъ чувствительности. Скоро осязаніе его сдѣлалось нѣжно, вкусъ разборчивъ; выбирая лучшее, онъ слѣдуетъ своему обонянію.

Глаза дикаго были безъ дѣйсвїя; онъ конечно *видѣлъ*, но не *смотрѣлъ*. Шумъ и спукъ не трогали его; пистолетной выстрѣлъ надъ ухомъ не заставлялъ его оборониться. Другой заключилъ бы, что онъ глухъ; но Г. Ишаръ зналъ, что *слышать* не есть *слушать*; что дикой не примѣчаетъ звука, не имѣя нужды примѣчать его. Въ сей истинѣ онъ увѣрился еще болѣе, видя, какъ его питомецъ поднималъ голову, когда за дверью грызли орѣхи, или спучали замкомъ. Медикъ положилъ дѣйствовать на слухъ и на глаза его такими предметами, которые

находятся въ связи съ его нуждами, и совершенный успѣхъ оправдалъ сію остроумную методу.

Новыя потребности рождали въ дикомъ новыя привычки. Пища, одежда, сонъ, гулянье, ежедневно умножали его зависимость отъ другихъ людей, и произвели въ немъ моральныя склонности. Онъ полюбилъ съ горячностью свою надзирательницу, и ласкалъ Доктора. Мысли его размножились и приходили въ связь. Каждая забава служила ему наставленіемъ. Его пріучили сравнивать, сближать предметы съ ихъ образомъ, — дѣйствовать разсудкомъ и памятью. Ипартъ думалъ открыть ему значеніе буквъ тѣмъ способомъ, который употребляется въ школахъ нѣмыхъ; но есть, онъ писалъ имя предмета вокругъ его изображенія, и послѣ спираль образъ, надвѣясь черезъ него соединить имя съ воспоминаніемъ предмета; но этотъ способъ не удался. Я не могу описать здѣсь глубокомысленныхъ примѣчаній Медика на сей случай, и всѣхъ удивительныхъ способовъ, черезъ которые онъ миновалъ неизмѣримое просранство, опдѣляющее въ испорти язка живопись вещей отъ ихъ условнаго изображенія буквами; могу только предложить ихъ дѣйствіе. Дикой пиномецъ

знаетъ теперь всю азбуку, и произнося слова: *молоко, сулѣ*, пишетъ ихъ буквами со всею точностію; ежедневно узнаетъ названія вещей, но единственно тѣхъ, въ которыхъ имѣетъ нужду; можетъ уже сообщаться съ нами; владеетъ нашими условными знаками — однимъ словомъ, онъ пересупилъ границу, и стоитъ на одной землѣ съ нами.

Дежерандо ()*. —

IV

Свадебный контрактъ.

Къ одному изъ нашихъ старыхъ Юристовъ, консульсовъ, извѣстному по его знаніямъ, честности и любезнымъ свойствамъ, пришли на сихъ дняхъ прекрасной молодой человекъ, лѣтъ двадцати-пяти, и прелестная дѣвушка, лѣтъ осьмнадцати; они сказали, что хотятъ поговорить съ нимъ о дѣлѣ.

Онъ посадилъ ихъ, и желалъ знать дѣло. — „Я Берсель, сынъ стариннаго друга твоего.“ — Берсель! . . . какъ я радъ!! Обними меня, любезной молодой человекъ!!

(*) Первый нынѣшній Метифизикъ въ Парижѣ.

Дружба моя съ опцемъ своимъ старѣе тебя. Лѣшь придцать тому, какъ я писалъ свадебный контрактъ его. Здоровъ ли онъ? — „Слава Богу! Только подагра остановила его въ Дижонѣ. Не можете ли теперь заспунить его мѣсто, и подать мнѣ доброй совѣтъ? Я требую такой же услуги, какую вы ему за придцать лѣшь передъ симъ оказали. Вашъ моя невѣста.“

Дѣвушка попупила глаза въ землю; щеки ея покрылись алымъ румянцемъ.

„Хорошо, хорошо! сказалъ добродушной Адвокатъ: я къ вашимъ услугамъ. Приступимъ къ дѣлу. Сколько приданаго? какія условія?“ — Приданаго? условія? сказалъ съ удивленіемъ Берсель: дѣло идетъ о свадьбѣ. Мы не покупаемъ, а любимъ другъ друга, и хотимъ жить вмѣстѣ. — „На что же вамъ Адвокатъ, естли вы не хошите законнаго свидѣтельсва для условій? За чѣмъ писать контрактъ?“ — Въ самомъ дѣлѣ мы могли бы обойтись безъ эпова. Позвольте мнѣ, милостивый государь, говорить съ вами искренно. Я кришелъ къ вамъ, исполняя волю моего родителя, которой велѣлъ мнѣ просить васъ о написаніи контракта. Что принадлежишь до меня, но я не считалъ нужнымъ такого обряда. Никто лучше насъ не можетъ знать, на какихъ условіяхъ

мы соединяемся бракомъ. Скажу вамъ , что нашъ контрактъ ему написанъ , и что мы желаемъ только показать его вамъ. — „Ты самъ написалъ его?“ — Самъ. — „Слѣдственно знаешь законы? разумѣешь приказной порядокъ?“ — Ни мало. Это не мое дѣло: я типографщикъ. — „Какъ же ты могъ за это взяться?“ — Вы еще болѣе удивитесь: въ нашемъ контрактѣ нѣкоторыя статьи написаны моею невѣстою. Справедливость преобладала , чтобы и она въ немъ участвовала. Коротко сказать , суть нѣтъ почти ни слова объ имуществѣ ; суть дѣло идетъ о соединеніи двухъ сердецъ , которыя любятъ другъ друга ; о любовникахъ , которые вступающъ въ вѣчный союзъ. Мы уже читали наши условія почтенной Софійиной матери ; она довольна ими. Мнѣ по слуху извѣстно ваше доброе сердце , милостивый государь , и я напередъ увѣренъ , что вы ихъ также одобрите ; надѣюсь даже , что уговорите и батюшку не писать другаго контракта.

Адвокатъ сперва удивился ; потомъ внутренно одобрилъ мысли любезнаго молодого человека , и любопытствуя знать ихъ въ подробности , взялъ на себя видъ сомнѣнія. — „Посмотримъ , посмотримъ эшотъ чудной контрактъ!“ сказалъ онъ :

„не уже ли шущь нѣтъ ни слова объ исключеніи: долговъ, въ которые вошли женихъ и невѣста прежде свадьбы; о движимомъ и недвижимомъ имѣніи; о стимуляціи, о клаузахъ и разныхъ казусахъ?“ . . . Ахъ! ради Бога (перервалъ Берсель), избавьте насъ отъ варварскихъ словъ, которыхъ мы не разумѣемъ! Всѣ такія предоспорожності и мѣры, которыя топчасъ при соединеніи двухъ фамилій показывають ихъ взаимную и обидную недовѣрчивость, могутъ ли ошвратить споръ, обманы и тяжбы? Напропивъ того я слыхалъ, что

*Понеже, въ силу, великую,
Творятъ довольно въ свѣтѣ зла.*

Мы постараемся жить мирно съ Софією. Судите о нашихъ мѣрахъ и предоспорожностяхъ. Вотъ контрактъ. — Онъ подалъ Адвокаату слѣдующія статьи :

Статья I.

„Любя другъ друга сердечно и давно,
„и будучи увѣрены, что у насъ можеть
„быть только одно щастье въ свѣтѣ, мы
„соединяемся вѣчнымъ союзомъ, чтобы
„жить вмѣстѣ, какъ прилично нѣжнымъ
„супругамъ и добрымъ дѣтямъ отечеснва.
„Она будетъ я, я буду она; онъ будетъ
„я, я буду онъ.

Статья II.

„Объщаю Софіи посвяпипть всѣ мои
мысли, труды и попеченія, на то, что-
бы она и будущія дѣти наши могли
жить честно и приспойно.“

Статья III.

„Объщаюсь вмѣспѣ съ Эмилемъ спо-
собствовать нашему безнужному пропи-
панію, или моими трудами, или бере-
жливоспїю и хозяйспвомъ въ разсуде-
ніи нашихъ небольшихъ доходовъ и пло-
довъ его работы.“

Статья IV.

„Спѣшу признаться, что бываю ино-
гда горячѣ и вспльчивѣ; прошу изви-
ненья первое движеніе сердца моего.“

(Рукою невѣспы: *Можетъ быть съ го-
режъ; но . . . такъ и быть!*),

Статья V.

„И мнѣ нужно спвое снисхожденіе. И
я бываю не всегда въ хорошемъ располо-
женіи. Чувспвую также, что могу быть
ревнива.“

(Рукою жениха: *Соглашася на нѣкото-
рыя минуты досады, упрямства,
въ надеждѣ, что онѣ будутъ рѣдки;
что принадлежитъ до другаго поро-
ка, то я почти радъ ему. Жена,
которая немного ревнива, безъ со-
мнѣнїя не подаетъ мужу причинъ
быть ревнивымъ.*)

С т а т ь я VI.

„Мы увѣрены, что между людьми,
 „которые милы другъ другу, споры и
 „досады происходятъ всегда отъ бездѣлицъ;
 „и для того обязываемся во всѣхъ такихъ
 „неважныхъ случаяхъ опкazyваться отъ
 „собственнаго мнѣнія; женѣ скорѣе дол-
 „жно исполнять волю мужа, а мужу во-
 „лю жены.“

(Рукою невесты: *Въ всякихъ случаяхъ
 ему надобно рѣшить; потому что
 онъ разсудительнѣе и знющѣе меня.*)

С т а т ь я VII.

„Въ слѣдствіе послѣдней статьи
 „я буду одѣваться, какъ захочетъ
 „Эмиль.“ — — „А я, какъ велитъ Софія.“

Хорошо, хорошо! сказалъ Адвокатъ:
 слѣдую этому правилу, мужъ будетъ
 одѣтъ опряшно; а жена, спараясь
 нравиться одному мужу, не станетъ
 излишно щеголять.)

С т а т ь я VIII.

„Слова: *хоту, требую, непременно,*
 „и другія тому подобныя, исключаются
 „изъ нашего лексикона.

С т а т ь я IX.

„Софія при другихъ людяхъ никогда
 „не покажетъ знаковъ непочтенія къ су-
 „ругу. Главнымъ ободреніемъ для иска-

„шелей и Селадоновъ бываетъ презрѣнїе,
 „которое жена въ какомъ нибудь случаѣ
 „оказываетъ къ мужу.“

Машушка напрасно прибавила эту
 спашью, сказала невѣста. — И слѣду-
 ющую, примолвилъ женихъ.

С т а т ь я X.

„Эмиль будетъ почитать жену свою
 „(чтобы другіе почитали ее) и оказывать
 „къ ней довѣренность. Никогда, а особливо
 „въ ея присутствїи, не отдастъ онъ
 „преимущества другой женщинѣ, въ чемъ
 „бы то ни было.“

С т а т ь я XI.

„Никогда не забудемъ, что небре-
 „женіе и неоправданность можетъ произ-
 „вести отвращеніе. Число въ разсуж-
 „денїи шѣла есть по же, что любезность
 „въ разсужденїи души; и пою и другою
 „человѣкъ нравится.“

С т а т ь я XII.

„Почти всѣ женщины сами кормятъ
 „нынѣ дѣтей своихъ и за ними ходятъ.
 „Надѣюсь, что Эмиль позволитъ мнѣ
 „исполнить должность матери.“

(Рукою жениха: Я хотѣлъ этого требо-
 вать.)

С т а т ь я XIII.

„Софія постарается, чтобы умъ дѣшей нашихъ во младенчествѣ не былъ испорченъ, и чтобы имъ никогда не говорили имѣхъ глупостей, которыя на всю жизнь оставляютъ въ головѣ ложныя идеи, или въ сердцѣ опасныя впечатлѣнія.“

(На полѣ: *Это будетъ важнѣйшимъ моментомъ попеченіемъ.*)

С т а т ь я XIV.

„Чтобы наблюдать лучшія правила воспитанія, Эмиль долженъ мнѣ предписывать ихъ. Я уже многое заняла изъ его разговоровъ. Надѣюсь, что онъ довершитъ свое дѣло. Мои знанія обращаются въ пользу милыхъ его.“

(На полѣ: *Самый лучшій наставникъ для Софіи есть природный умъ ея.*)

С т а т ь я XV.

„Хотя и надѣемся, что не нарушимъ сихъ условій; однакожь сплшемъ ихъ другъ для друга — и еслили покажется, что которое нибудь забыто однимъ изъ насъ, то другой долженъ напомнить ему и показать списокъ.“

Я вижу конецъ, сказалъ Авдокапъ, и не нацель еще ни слова объ имѣніи;

это во всякомъ случаѣ нужно. — „Есть, есть“, отвѣчалъ Эмиль: „я не забылъ того, что вы считаете важнымъ. Прочитайте нашу послѣднюю статью; она вся посвящена деньгамъ, и думаю, что въ ней говорится объ этомъ предметѣ, какъ должно.“ — Увидимъ, сказалъ Адвокатъ.

Статья XVI и послѣдняя.

„Что принадлежитъ одному, то принадлежитъ и другому. Не стоитъ труда означать, что мы приносимъ другъ другу, когда у насъ все общее.“

Подписано — отъ всего моего сердца:
Эмиль Берсель.

Навѣки: *Софія*,
будущая жена Берселева.

Юрисконсультъ былъ пронутъ до слезъ, но продолжалъ свои умысленныя возраженія. „Вы всего не предвидѣли“, сказалъ онъ: „если вы вздумаете развестись, если кто нибудь изъ васъ умретъ, что въ такомъ случаѣ быть должно? какія ваши условія?“ — Правда, что это не приходило намъ на умъ. — „Но мнѣ должно предвидѣть всѣ возможные случаи. Ты, другъ мой, не писывалъ контрактовъ; а я написалъ ихъ нѣсколько тысячъ; и во

всякомъ десять разъ повторяется: *тотъ, кто переживетъ.*“ — Переживешь! . . . Боже мой! какъ можно думать! . . . Нѣтъ, мы не переживемъ другъ друга. — „По крайней мѣрѣ я за себя отвѣчаю.“ сказала невѣста, и закрыла рукою глаза свои, изъ копорыхъ капали слезы.

Нѣтъ! продолжалъ молодой человекъ: я не понимаю сердца тѣхъ людей, которые въ минуту соединенія предвидятъ такія возможности; въ минуту счастья думаютъ уже о несчастьи или о преступленіи, безъ котораго не лзя вообразить, развода! И на что? Развѣ нѣтъ законовъ, которые безъ сомнѣнія мудре насъ? Законы составляютъ Провидѣніе гражданскаго общества; во всякомъ случаѣ должно на нихъ положиться.

„Ты чувствительной, любезной человекъ!“ сказалъ Адвокатъ, обнимая его: „я нарочно противорѣчилъ тебѣ, чтобы вывѣдать всѣ твои мысли, любезныя мнѣ и всякому доброду сердцу! Послушайте, друзья моя: пребуду непремѣнно, чтобы вы позволили мнѣ быть свидѣтелемъ вашего брака, которой безъ сомнѣнія будетъ счастливъ. Доброй Эмиль! я беру на себя уговорить отца твоего, чтобы онъ согласился на нашъ контрактъ, и сверхъ того самъ опнесу эту бумагу къ Ношаріусу;

чтобы онъ скрѣтилъ ее, въ примѣръ и въ память для другихъ, и могъ бы похвалиться, что хотя одинъ разъ въ жизни удалось ему вписать въ свою книгу истинной свадебной коншракты.

(Съ Француз.)

V.

Вольтеръ и Лекенъ.

Сынъ славнаго актера Лекена недавно издалъ примѣчанія и записки отца своего. Въ нихъ много любопытныхъ анекдотовъ о Вольтерѣ, нѣсколько писемъ его, стихотворца Колардо, Принца Генриха, и шесть или семь рѣчей, произнесенныхъ на театрѣ Лекенемъ при разныхъ случаяхъ. Онѣ доказываютъ, что онъ былъ не только первой актеръ трагической сцены, но и пріятной, умной, любезной человекъ. Извѣстно, что Природа весьма не щедро одарила его: Лекенъ былъ толстъ, дуренъ лицомъ, и голосъ имѣлъ сиповатой; но посредствомъ ученья и трудовъ удалась ему исправить напущу, и такъ, что женщины, видя его въ ролѣ Магомета и Оросмана, кричали: *ахъ! онъ красавецъ!* Это было торжество Искусства.

Вольтеръ заставилъ Французскихъ актеровъ принять Лекена и способствовалъ славу его. Мы выпишемъ здѣсь неизвѣстной анекдотъ, которой до нихъ обоихъ касается. Самъ Лекенъ рассказываетъ :

„Скоро послѣ первыхъ представлений Китайскаго Сироты (трагедіи Вольтеровой) поѣхалъ я въ Ферней. Журналы чрезвычайно хвалили сіе новое сочиненіе; но Вольтеръ желалъ знать всѣ особливостя обстоятельствова, о которыхъ Журналисты не могли говорить. Я рассказалъ ему подробно о всѣхъ знакахъ и доказательствахъ восторга, съ которыми принята была его трагедія.

„Поговоривъ о важнѣйшихъ и прогнательнѣйшихъ сценахъ, онъ захотѣлъ, чтобы я сыгралъ передъ нимъ свою роль. Мнѣ пріятно было исполнить волю его, въ надеждѣ воспользоваться его наснаженіемъ. Надежда не обманула меня; но я дорого заплатилъ за этотъ урокъ.

„На другой день собрался нашъ Фернейской Комитетъ. Оживляемый присутствіемъ окружающихъ меня, я началъ играть свою роль съ жаромъ и со всею Ташарскою жестокостію, которая нравилась Парижской публикѣ; но живость игры не мѣшала мнѣ сморѣть на Вольтера, чтобы видѣть ея дѣйствіе на лицѣ

его. Въмѣсто удовольствія, видѣ его изобразилъ досаду; она постепенно увеличивалась, и скоро превратилась въ самую ярость, которая, преодолевъ наконецъ его терпѣнiе, излилась ужаснѣйшимъ образомъ. „Стой!“, кричалъ онъ мнѣ: „стой! Злодѣй убиваетъ меня, рѣжетъ!“ . . . При сихъ словахъ, сказанныхъ имъ съ обыкновенною его выразительностію, всѣ наши зрители вскочили; окружили его, и старались успокоить; но гнѣвъ его пылалъ, и ничто не могло погасить сего волкана. Наконецъ онъ ушелъ, и заперся въ своей комнатѣ.

„Послѣ такой ужасной для меня сцены, будучи внѣ себя отъ стыда, я рѣшился на другой же день ѣхать изъ Фернея, и объявилъ свое намѣреніе госпожѣ Денисъ; ея возраженія не могли поколебать меня. Однакожъ я просилъ у Вольпера дозволенія видѣнь его. „Пусть придетъ, еслили хочетъ!“ отвѣчалъ онъ. Такой отвѣтъ былъ не очень ласковъ; однакожъ я пошелъ. Мы были одни. Я сказалъ ему о своемъ отъѣздѣ, изъявляя сожалѣнiе, что не умѣлъ заслужить его одобренія въ ролѣ моей, и примолвивъ, что съ благодарностію принялъ бы его наставленіе. Казалось, что мои слова смягчили его. Онъ взялъ трагедію — и

съ самой первой сцены я почувствовалъ свою великую ошибку въ игрѣ.

„Напрасно хотѣлъ бы я описать то глубокое впечатлѣніе, которое Волтеръ произвелъ въ душѣ моей, изображая страстнымъ, разительнымъ, важнымъ тономъ всѣ оплѣнки Ченгисъ-Хановой роли! Онъ уже кончилъ, а я все еще слушалъ, безмолвствуя отъ удивленія!... Черезъ минуту сказалъ онъ мнѣ слабымъ, утомленнымъ голосомъ: „любезной другъ! понимаешь ли теперь характеръ роли своей?“ — Кажется, отвѣчалъ я: завтра вы рѣшите. — Тутъ я снова принялся за работу — и лесная, жаркая похвала его была наградою трудовъ моихъ. Признаюсь, что я сердечно веселился, возбуждая въ немъ самыя шѣ чувства, которыя онъ произвелъ во мнѣ. Всѣ изображаемыя мною страсти являлись постепенно въ глазахъ его. Знаки Вольперовой дружбы были столь же прогательны, сколь досада его была ужасна; и я выѣхалъ изъ Фернея въ полномъ удовольствіи, радуясь пріобрѣтенными мною познаніями для изображенія великаго и прекраснаго характера Ченгисъ - Ханова.

„По возвращеніи въ Парижъ я снова игралъ эту ролю. Одна Актриса, которая замѣтила прежнюю мою ошибку, не могла

скрыть своего удивленія, и многимъ людямъ говорила: „видно, что онъ прїѣхалъ изъ Фернея!“, Не входя въ причину такой похвалы, я чрезмѣрно ею радовался.

VI.

Письмо Дона Гоаквино Гарсиа, Губернатора Гишпанскихъ владѣній на островѣ С. Доминго, къ Президенту Соединенныхъ Областей Америки ().*

Государь мой!

Человѣколюбіе есть свойство великихъ душъ. Офицеръ вашей службы показалъ прогашельный примѣръ онаго, такимъ дѣломъ, которое заслуживаетъ живѣйшую благодарность какъ собственно отъ меня, такъ и отъ лица своей Гишпанской націи.

Двѣ благородныя фамиліи, въ числѣ которыхъ было много дѣтей и женщинъ, отправились отсюда въ Порто-Рико. Незнаніе Датскаго Капитана, Хриспіана Гранеманса, привело корабль ихъ, близъ острова Саоны, въ бѣдственное положеніе. Буря занесла ихъ въ самое опасное мѣсто.

(*) Сіе письмо было обнародовано Американскимъ Правительствомъ въ новомъ городѣ Вашингтонѣ, въ Сенябрѣ мѣсяцѣ прошедшаго году.

Жестокосердый Датчанинъ, думая только о спасеніи себя и своего имѣнія, уѣхалъ въ шлюпкѣ на островъ и предалъ несчастныхъ въ жертву волнамъ и почти вѣрной смерти.

Въ семь состоянїи увидѣлъ ихъ Чарльсъ Стюартъ, Капитанъ вооруженнаго корабля, называемаго Экспериментомъ, и забывъ собственную опасность свою, спѣшилъ спасти невинныхъ младенцевъ и женщинъ, которыя, стоя на палубѣ, подымали руки къ небу. Его желанїе исполнилось: онъ спасъ несчастныхъ — и черезъ нѣсколько минутъ корабль ихъ былъ поглощенъ волнами.

Среди прогашельныхъ слезъ и сердечныхъ благословеній сей достойный Офицеръ думалъ о наказанїи безчестнаго Гранеманса, которой спрятался на вершинѣ Сарнской горы. Онъ нашелъ его, и хотѣлъ поступить съ нимъ какъ должно; но великодушныя женщины испросили ему помилованїе. Капитанъ Стюартъ прислалъ его ко мнѣ.

Сей Американской Офицеръ обходился съ Дамами весьма учтиво, отдалъ имъ свою каюту, служилъ споломъ своимъ и старался всѣми способами одолжать ихъ.

Онѣ сами просили меня писать къ вамъ, изобразить всѣ обстоятельство

сего великодушнаго дѣла, и торжественно увѣришь Американскую націю въ вѣчной ихъ благодарности.

Изъявляю при томъ и мою благодарность *Вашему Превосходительству*, со всею искренностию, свойственною моему характеру, равно какъ и признательность моей націи, и всѣхъ, копорые слышали о семъ великодушномъ поступкѣ, достойномъ просвѣщеннаго народа и Офицера Соединенныхъ Облѣстей. Поставляю себѣ за непремѣнную должность, къ чести Капитана Сшюарпа, его флага и всѣхъ корабельныхъ служителей, донести о томъ Королю, моему Государю.

Молю Бога продлить дни ваши.

Вашего Превосходительства — и проч.

Санто Доминго,
21 Іюля 1801.

Подписано : Joaquino Garcia.

VII.

*О Французскомъ Епископѣ, бывшемъ
первымъ Министромъ въ Кохинхинѣ,
и недавно умершемъ.
Письмо изъ Кохинхинъ.*

Епископъ Адранской умеръ. Кохинхина потеряла великаго Министра, а Религія одного изъ самыхъ ревностныхъ своихъ Прелатовъ. Сожалѣніе о немъ, и почести, оказанныя его праху народомъ, еще не вышедшимъ изъ мрака идолопоклонства, будутъ эпохою въ семъ Государствѣ.

Епископъ Адранской выѣхалъ изъ Франціи самымъ молодымъ человекомъ, и съ именемъ простаго Миссіонера; но скоро получилъ санъ Епископа, и отличился въ прудной должности своей великими успѣхами. Онъ разумѣлъ всѣ Европейскіе языки и почти всѣ науки; ученые Китайцы не лучше его знали свой языкъ. Короли имѣли къ нему опмѣнное уваженіе, и Кохинхинской Царь сдѣлалъ его первымъ Министромъ своимъ. Сей Государь воевалъ тогда съ мяшежниками, копорые завладѣли частію земли его. Англичане, пользуясь такимъ обстоятельствомъ, предложили ему свою помощь,

съ шѣмъ условіемъ, чшобы онѣ далъ имъ исключительное право торговли; но Адранской Епископъ именемъ Государя отказалъ имъ, желая доставить сію выгоду Французамъ, и для того отправился въ Европу, взявъ съ собою Царскаго сына, единственнаго наследника. Вы видѣли, съ какимъ опличіемъ принялъ его Дворъ Версальской. Лудовикъ XVI хотѣлъ дать ему войско; но первыя смятенія Революціи и происки Комменданша Пондишерискаго разспроили сей планъ, такъ что Адранской Епископъ могъ взять съ собою только нѣсколько Артиллерійскихъ Офицеровъ, поѣхавшихъ съ нимъ добровольно. Сею слабою помощію онъ возвратилъ Царю его владѣнія, и остальную жизнь свою провелъ въ дѣлахъ своего Министерства и Епископства.

„И такъ“ (сказалъ онъ за нѣсколько минутъ до смерти своей) — „и такъ я дошелъ до цѣли безпокойной мірской дѣятельности, которая, не смотря на мое внутреннее отвращеніе, столько времени занимала меня! Труды мои кончашся, и блаженство мое начнется! Я съ радостью оставляю свѣтъ, въ которомъ считали меня благополучнымъ; гдѣ народы меня славили, вельможи почитали и самые Цари уважали. Не жалѣю объ

„эшой чести; она есть суепа и печаль. Въ объятіяхъ мойлы найду миръ и спокойствіе.“ — Изъявивъ благодарность свою Королевскому Медику, онъ приговаривалъ: „Разскажице, что вы видѣли; увѣрьте Короля, что я ничего не боюсь и совершенно покоенъ. Пусть знаетъ онъ, что Европейцы умѣютъ и жить и умирать.“

Весь Дворъ былъ въ изумленіи. Мы тотчасъ объявили Королю о смерти Епископа. Онъ послалъ для него великолѣпной гробъ и разныя шелковыя матеріи для погребенія. 10 Октября мы положили тѣло на гальионъ и отвезли въ Доне. Гробъ несенъ былъ при свѣтѣ факеловъ съ великою пышностію и посшавленъ, до пріѣзду Короля, въ большой залъ Епископскаго дому. Тамъ всякой день служили панихиду, въ присутствіи Французскихъ Офицеровъ и Китайскихъ Мандариновъ, богато одѣтыхъ; послѣ чего сынъ Короля угощалъ всѣхъ обѣдомъ.

Погребеніе совершилось 16 Декабря, ночью. Король велѣлъ сыну своему итти передъ гробомъ, покрытымъ богатыми штофами и окруженнымъ горящими свѣчами; его несли, подъ огромнымъ золотымъ балдахиномъ, 80 человекъ, нарочно для того избранныхъ. За нимъ два

человѣка несли знамя , на копоромъ вышиты были золотыми буквами всѣ шишулы, данные Епископу Королемъ Французскимъ и Кохинхинскимъ. Вокругъ шло множество молодыхъ Христіянъ въ коронахъ и съ зажженными свѣчами. Вся Царская гвардія (то есть болѣе 10000 человекъ) шло на улицахъ съ ружьями и съ пушками. 120 Слоновъ съ вожаками и съ трубами шли по сторонамъ. Бросали ракеты, горѣли феерверки, били въ барабаны, и музыка Кохинхинская безпрестанно играла; улицы освѣщены были множествомъ фонарей. Около 40000 идолопоклонниковъ и Христіянъ провожали гробъ; невозможно было счесть зрителей, которые шѣснились на улицахъ и даже на кровляхъ. Самъ Король шелъ за гробомъ съ своими Мандаринами; но всего болѣе удивило насъ то, что его мать, сестра, Королева и наложницы, желая изъяснить любовь свою къ такому рѣдкому человѣку, презрѣли обыкновеніе и провожали гробъ до самой могилы.

Епископъ назначилъ, чтобы его погребли за городомъ, въ прекрасномъ саду. Сперва Католическіе священники совершили обрядъ нашей церкви; потомъ Король, слѣдуя своему закону, принесъ жертву, и выслушавъ надѣробное слово, про-

знесенное краснорѣчивымъ, духовнымъ Орапоромъ, онъ медленно и величественно приблизился ко гробу, залился слезами и простился съ умершимъ другомъ своимъ. Всѣ плакали и рыдали.

Теперь Король сооружаетъ великолѣпный памятникъ, доспойный Монарха и добродѣтельнаго Министра. Г. Баршелеми, который прѣхалъ сюда изъ Франціи съ Адранскимъ Епископомъ, трудится надъ симъ монументомъ.

VIII.

О славномъ Гальвани.

Сей Италіянскій Докторъ прославился изобрѣшеніемъ новаго способа леченія, который въ честь ему названъ *Гальванизмомъ*, и который состоитъ въ дѣйствіи металловъ на систему нервъ. Мы въ другое время извѣстимъ нашихъ Читателей о семъ, можно сказать, чудесномъ способѣ и разныхъ феноменахъ Гальванизма; теперь переведемъ нѣкоторыя мѣста изъ Французскаго похвальнаго слова Доктору Гальвани, которое занимательно не только для Медиковъ, но и для всѣхъ чувствительныхъ людей. — Любопытно знать

случай, черезъ который открылся Гальванизмъ.

„Въ одинъ вечеръ Гальвани работалъ съ нѣкоторыми пріятелями въ своей лабораторіи. Жена его лечилась тогда лягушечьимъ бульйономъ; мужъ, любя ее спраспно, всегда самъ варилъ его. Лягушки лежали на столѣ подлѣ элекпрической машины. Одинъ изъ учениковъ нечаянно допронулся мѣднымъ прутомъ до ихъ мяса: вдругъ всѣ мускулы въ нихъ задрепешали. Госпожа Гальвани, пораженная симъ явленіемъ, спѣшила сказать о томъ мужу, котораго дальнѣйшіе опыты произвели, какъ извѣстно, Гальванизмъ.“

Алиберъ, Авторъ похвальнаго слова, описываетъ намъ семейственную жизнь славнаго Доктора. Самая любопытная наука, говоритъ онъ, есть наука человеческого сердца. Пріятно со всѣхъ сторонъ разсмаширивать тѣхъ людей, которые заслужили наше удивленіе и благодарность. Все, что до нихъ касается, достойно описанія; и картина ихъ дѣшельной жизни бываетъ для потомства драгоценнѣе многихъ умозрительныхъ сочиненій.“ — Читатели, вмѣстѣ съ нами, отдадутъ справедливость той любезной чувствительности и неизъяснимой прелести въ слогѣ, съ которою Авторъ

начерталъ моральный характеръ Гальвани; онъ конечно, подобно ему, умѣетъ наслаждаться всѣми нѣжными, добродѣтельными склонностями: ибо прогашельная истина выраженій его можетъ только непосредственно изъ души изливаться. — Вотъ что говоритъ онъ о чрезвычайной любви Гальвани къ достойной супругѣ, которую надлежало ему оплакать:

„Гальвани наслаждался всею полною чистѣйшаго супружескаго счастья; оно удвоило жизнь его; оно украсило ее такою всегдашнею, неизмѣнною прелестію, которая есть совершенный рай для сердецъ нѣжныхъ. Когда случалось ему грустить или беспокоиться о чемъ нибудь, онъ спѣшилъ къ своей милой подружѣ, и въ минуту забывалъ горе. Одна добродѣтель можетъ понять и цѣнить сіе крошкѣя нѣжныя удовольствія супружества, когда союзъ его утвержденъ сходствомъ нравовъ, чувствительности и характера. Можно сказать, что блаженство сего союза принадлежитъ Ученымъ еще болѣе, нежели другимъ; ибо они въ самыхъ большихъ городахъ живутъ какъ пустыньники, и должны искать награды за всегдашнее уединеніе, на которое работа и дѣятельность ума осуждаютъ ихъ. Сверхъ того въ счастливомъ супружествѣ

„находящѣ они швердосшь и мужество, не-
 „обходимыя для пренесенія безчисленныхъ
 „горесшей, которыя бывающѣ неразлучны
 „съ пріобрѣпеніемъ славы. Нещасливѣ,
 „кто, будучи предметомъ зависши и гоне-
 „нія, не можетъ повѣрить своего сердца
 „нѣжной супругѣ, не можетъ быть утѣ-
 „шенъ ею въ бѣдствіяхъ славы! Гальвани,
 „подобно другимъ, страдалъ за первые
 „успѣхи свои; но внутреннее мирное
 „щастіе семейства, ласки и милый раз-
 „говоръ подруги, вливали шшину и спо-
 „койствіе въ его душу. Тридцать лѣтъ
 „онъ восхищался блаженствомъ любви,
 „и былъ любимымъ.

„Но сему прелестному сновидѣнію
 „надлежало для него исчезнуть!.. Сколь
 „мучительно пережилъ милое душѣ и
 „сердцу! Для чего смерть не однимъ
 „ударомъ разилъ два сердца, живущія
 „однимъ чувствомъ? . . . Въ объявіяхъ
 „нещастнаго Гальвани скончалась его лю-
 „безнѣйшая подруга. День ужасный!.. Не
 „смѣю описывать его отчаянія. Самъ
 „Петрарка менѣе стоналъ о кончинѣ
 „Лауриной.

„Онъ соорудилъ ей памятникъ въ
 „монастырѣ Св. Екатерины, и украсилъ
 „его проглательною эпитафіею; написалъ
 „исторію ея добродѣтелей, и съ благо-

„говѣнїемъ положилъ ее въ гробъ незабвенной Луцїи ; наконецъ оплакивалъ смерть ея въ нѣжныхъ стихахъ , которые всегда будуще приводить въ умиленїе вѣрныхъ и несчастныхъ супруговъ.

„Говоряшъ , что сей рѣдкой человекъ почти ежедневно ходилъ орошать слезами горестный памятникъ любви супружеской ; спановился подлѣ него на колѣна , цѣловалъ хладный мраморъ , и молился Всевышнему . . . Во прахъ человека , котораго мы оплакиваемъ , сохраняется еще нѣкоторое бытїе для нашего сердца . Кажется , что сей хладный прахъ дышетъ подъ нашею рукою , и орошаясь слезами горести , оживляется въ урнѣ своей , чтобы оживѣнствовать на рыданїе друга !

„Первое дѣйствїе несчастїя , говоритъ одинъ славный Писатель , сжимаетъ душу : второе раздраетъ ее . Бываютъ горести въ жизни , которыхъ не уполяетъ время . Гальвани сносилъ бытїе , но всегдашняя скорбь непримѣтно разрушала существо его . Образъ умирающей Луцїи всеминутно ему представлялся ; онъ плакалъ , и хотѣлъ еще болѣе плакать . Скоро обнаружились въ немъ разныя , мучительныя болѣзни , которыя принудили его лечь въ постелью

„Въ то же самое время судьба довершила
 „надъ нимъ удары свои: онъ лишился по-
 „чши всѣхъ родныхъ и Докпорскаго мѣста
 „своего въ Болонскомъ Университетѣ, не
 „хотѣвъ признашь Республиканской вла-
 „сти въ своемъ отечествѣ. Хошя Милан-
 „ское Правленіе, изъ уваженія ко славѣ
 „его, велѣло снова внести его имя въ
 „Университетскій списокъ и давать ему
 „полное жалованье; но симъ справедли-
 „вымъ благодѣяніемъ онъ уже не могъ
 „воспользоваться. Смерть, давно имъ же-
 „лаемая, наконецъ пресѣкла горестныя
 „дни великаго мужа, и ввела его въ вѣч-
 „ную обитель тишины и мира. На по-
 „гребеніи его не видно было той гордой
 „пышности, которая окружаетъ нич-
 „тожность богатыхъ; но слезы друже-
 „ства лились на гробъ Гальвани; просвѣ-
 „щеннѣйшіе граждане шли за нимъ съ
 „благоговѣніемъ, и вся ученая Европа со-
 „жалѣла о немъ. — Покойся, священная
 „пѣнь! Память твоя осталась въ мірѣ!“...

Новыя сочиненія Госпожи Неккеръ.

Кто читаетъ Французскія книги, тому безъ сомнѣнія извѣстны сочиненія Госпожи Неккеръ, изданныя мужемъ ея подъ именемъ *Mélanges*, etc. Жаркія чувства добродѣтели (непритворныя: ибо Госпожа Неккеръ во всю жизнь благотѣшительствовала), тонкія мысли, нѣжность вкуса, любопытныя анекдоты (собранныя ею въ лучшемъ Парижскомъ обществѣ, то есть въ домѣ ея), красивое многорѣчіе, высокопарность, составляющія характеръ сей богатой смѣси, которая на всякой страницѣ напоминаетъ читателю какое нибудь славное имя, и хотя не всегда ему нравились, но почти всегда занимають его. Теперь вышли еще два тома, совершенно подобныя первымъ. Они здѣсь еще не извѣстны, и по тому можемъ перевести изъ нихъ нѣкоторыя мѣста для Читателей нашего Журнала:

„Всего злѣе народы полупросвѣщенныя; по же можно сказать и частно о людяхъ.

„Великія мѣста подобны высокімъ, крупымъ скаламъ, на которыя только взлетаетъ орелъ или встолзаетъ змѣя.

„Спрассти природныя сильны и кратковременны: спрассти общественныя слабѣе, но продолжительнѣе, подобно всѣмъ дѣйствіямъ привычки, которую можно назвать совѣспницею Напуры, а не второю Напурою.

„Великій Авторъ въ переводѣ похожъ на вельможу въ ссылкѣ или по крайней мѣрѣ въ немилости.

Когда Волыперъ умеръ, Г. Коле сказалъ: теперь мы оляты Республиканцы!

Г. Дюбюкъ чрезмѣрно хвалилъ умъ человека, поговоривъ съ нимъ однажды. Ему доказали, что этоиъ человекъ глупецъ. Я не виноватъ, что онъ застался только на одинъ день, отвѣчалъ Дюбюкъ.

„Говорили, что Господинъ С*, извѣстный по своему злословію, умеръ опълда. Госпожа Монсанжъ сказала: онъ конетно укусилъ языкъ свой.

Великое искусство въ разговорѣ естъ заставляющъ другихъ говорить много, а самому говорить мало: вотъ испинная Реторика для сего краснорѣчія!

Панаръ напивался и засыпалъ; его будили и заставляли сочинять стихи: онъ зѣвая сочинялъ прекрасные, и въ ту же минути опять засыпалъ. Панаръ никогда не думалъ о завпрашнемъ днѣ;

„его одѣвали, обували; онѣ ѣлъ и пилъ у
 „пріятелей. Однажды онѣ пришелъ къ
 „Мармоншелю и сказалъ ему: *вылриси*
 „*мнѣ небольшую ленту у Министра.*
 „Мармоншель взглянулъ на него съ ужа-
 „сомъ, и шихонько сказалъ: *онѣ скоро ум-*
 „*ретъ!* Въ самомъ дѣлѣ Панарѣ черезъ
 „нѣсколько дней умеръ. Когда Мармон-
 „шелю надобны были стихи для его Жур-
 „нала, онѣ приходилъ къ Панару, и го-
 „ворилъ ему: *стиховъ, стиховъ, другъ*
 „*мой!* — *Посмотри въ ящикъ, подъ мо-*
 „*имъ парикомъ,* отвѣчалъ онѣ. — Мармон-
 „шель выдвигалъ старой ящикъ, и находилъ
 „лоскушки, закапанные краснымъ виномъ.
 „*Нужды нѣтъ!* говорилъ Панарѣ: *это ле-*
 „*гачъ талантовъ.* Стихи въ самомъ дѣлѣ
 „бывали нѣжные и пріятные.

„*Опредѣленія* или дефиниціи напоми-
 „наютъ мнѣ Персидскую сказку: Два вол-
 „шебника сражались между собою; одинѣ
 „превратился въ пѣшуха, а другой въ
 „гренаду; пѣшухъ съѣлъ всѣ зерна, кро-
 „мѣ одного, которое превратилось въ ли-
 „сицу и съѣло пѣшуха. — Еслили забу-
 „дешь хотя одну сторону въ вещи, то
 „опредѣленіе не годится и само собою
 „уничтожается.

„Шашлю говорилъ о *Сенекиной жизни,*
 „*Дидроповомъ сочиненіи: Это пьяныя*

„фразы, которыя безъ памяти бѣгутъ одна
„за другою.

„Господинъ Борда, слыша, что стро-
„гѣе допросы заставили нещасливаго Спру-
„энзе признаться въ тайной связи его съ
„Датскою Королевою, сказалъ: Французъ
„объявилъ бы это всякому, но никому бы не
„признался. Слово прекрасное!

„Графъ д' Аржанеонъ, черезъ часъ
„по опсшавкѣ своей, написалъ къ госпо-
„дину Жанелю, Директору почты: любе-
„зной другъ! естльи ты еще помнишь
„меня, то сдѣлай одолженіе — и проч.

„Гораздо легче и вѣрнѣе перемѣнишься,
„нежели скрывать пороки свои. Знающіе.
„свѣпль знаютъ то, что можно испра-
„вить, а не обмануть людей.“

Х.

М с д о р ъ.

(Истинное происшествіе въ 1794 году.)

Флорвиль шелъ ужинашь въ предмѣстіе
Св. Жерженя, часовъ въ девять, и увидѣлъ
шарика, сидящаго на мосту подгорюнив-
шись; услышалъ стонъ его — остановился,
хотѣлъ говорить — но медлилъ. Желаніе
дѣлать добро не всегда доспапочно для

благодѣянїя и часто умираетъ въ душѣ отъ нерѣшимости, подобно свѣплымъ, хладнымъ парамъ, копорые воздухъ образуетъ, а вѣтеръ развѣваетъ въ минушу.

Однакожь Флорвиль подошелъ къ старикку, и помолчавъ сказалъ ему: „Государь мой! извините; но не могу ли ушѣшннѣ васъ, или бытъ вамъ полезнымъ?“ — Ахъ, нѣтъ! отвѣчалъ старикъ: я въ отчаянїи. Другъ мой умирая отдалъ мнѣ свою собаку, и просилъ беречь ее. Я самъ любилъ Медора: онъ былъ такой доброй, и всегда ко мнѣ ласкался. Что же? я ушопилъ его. Мнѣ не чѣмъ было его кормить; у меня жена, дѣти — они еще дороже. Я многимъ хотѣлъ отдать Медора: никто не бралъ. Соснавалось убишь его... я могъ на то рѣшиться, но не могу никогда ушѣшннѣся; чувствую, что излишно надѣялся на твердость свою! Въ самую шу минушу, когда я привязывалъ къ нему ужасной камень — еспѣли бы вы видѣли, какъ Медоръ смотрѣлъ на меня, лизалъ мнѣ лице, руки, и говорилъ глазами: *мнѣ жаль тебя; ты теряешь друга!* Два раза, государь мой, два раза я шолкалъ его, зажмуривъ глаза, и не могъ сполкнущъ въ рѣку; наконецъ вспомнилъ о женѣ, о дѣтяхъ. . . онъ упалъ! . . . Не знаю, что сдѣлалось вдругъ со мною,

когда вода зашумѣла отъ его паденія! . . .
Бѣдной Медоръ! прости навѣки!

Флорвиль, не зная, какъ утѣшить старика, хотѣлъ опровергнуть его мысли отъ печальнаго предмета; говорилъ о томъ и другомъ, но молчалъ о Медорѣ. „Будемъ друзьями“, сказалъ онъ, пожимая руку его: „я желаю видѣть дѣтей твоихъ; хочу подарить ихъ какоюнибудь бездѣлкою; провожу тебя домой“ . . . Старикъ не слушалъ.

Вдругъ бѣжитъ собака, прямо къ нимъ — самъ Медоръ — и бросается на колѣни къ господину своему, которой, внѣ себя отъ радости, смотритъ на Флорвиля, на собаку, и не смѣетъ вѣрить глазамъ. Наконецъ сказалъ: „ахъ! это онъ; это Медоръ! Какая радость! Бѣдененькой! какъ ты могъ выплыти изъ рѣки? Говори, Медоръ, говори!“ — Флорвиль счелъ за нужное быть Медоровымъ переводчикомъ, и сказалъ старику: „руки твои вѣрно дрожали; ты не могъ хорошенько привязать камня; онъ сорвался, и Медоръ выплылъ на берегъ. Это оперная развязка, и еще самая лучшая.“

„Правда, правда!“ отвѣчалъ старикъ: „глаза мои худо видѣли; я плакалъ, и самъ ужасался твердости своей. Нѣтъ, нѣтъ! впередъ не хочу быть твердымъ;

лучше продамъ свой послѣдній кафпанъ.“
 — Не продавай ничего, сказалъ Флорвиль:
 вотъ пенсіонъ для Медора, пока хлѣбъ
 дорогъ въ Парижѣ. — „Добродѣтельной го-
 сподинъ!“ закричалъ старикъ. . . и Флор-
 виль ушелъ отъ него. Сошедши съ мосту,
 онъ оглянулся назадъ: старикъ еще кла-
 нялся ему, и ласкалъ собаку свою. —

(Изъ Journal de Paris.)

ХІ.

СМЕРТЬ ШЕЛЕХОВА.

*Мысль С. Или-Афогнаки стекаются
 на морской берегъ, съ котораго видны
 Рускія суда, бѣгущія на парусахъ.*

Афогнакъ.

Радость, радость! Видите ли корабль,
 несущій къ намъ нашего друга по бы-
 стрымъ волнамъ синяго моря?

Всѣ въ одинъ голосъ.

Видимъ, видимъ! Несите, добрые
 вѣтры, нашего друга! дайте намъ скорѣе
 прижать его къ сердцу, скорѣе обнять
 его колѣна!

Первый.

Уже старѣйшины пошли къ нему на встрѣчу.

Второй.

Побѣжимъ принявъ его на мирный берегъ.

Третій.

Окажемъ ему по возможности наше усердіе.

Первый.

Подведу ему чернаго, гладкаго соболя, кошораго я поймалъ на его счастье.

Второй.

А я поднесу блюдо пшена и скажу ему: „ты научилъ насъ удобрять землю, тебѣ и посвящаю первый плодъ ея.“

Женщина.

Чѣмъ же намъ почтить его? Соберемъ свѣжихъ, душистыхъ травъ и устелемъ ими ложе его.

Другая.

А дорогу отъ приспани до его хижины усыплемъ прекрасными цвѣтами.

Афогнакъ.

А я до румяной зари проиграю подъ окномъ его на свирѣли, шихонько, шихонько, чшобъ не встревожить сладкаго сна его.

Всѣ.

Полетимъ же, братья, подхватимъ на руки нашего благошворителя.

Афогнакѣ.

Но вотъ возвращается одинъ изъ нашихъ старцевъ.

Другой.

Для чего же онъ не ведетъ нашего друга? Не уже ли надежда обманула насъ? . . . Но взгляните, взгляните на старѣйшину: онъ идетъ преклоня голову.

Третій.

Ноги его дрожатъ; онъ поднимаетъ къ Небесамъ руки.

Женщина.

Лице его блѣдно. Всемогущій! что это значитъ?

Всѣ.

Какія вѣсти, опецъ, какія вѣсти? — (Старѣйшина молчитъ, обращая на всѣхъ легальныя взоры.) — Гдѣ же нашъ благодѣтель?

Женщина:

Почто спрашиваетъ? развѣ не довольно говорятъ его вздохи? Ахъ! конечно не стало нашего друга!

Старѣйшина.

Терзайте, чада мои, ваши одежды; бейте, бейте себя въ перси! . . . Уже нѣтъ нашего друга!

Всѣ.

Что слышимъ!

Старѣйшина.

Уже онъ былъ на возвратѣ къ намъ отъ престола Царицы Сѣвера; спѣшилъ возвѣстить намъ о тѣхъ лицахъ Ея новыя милости; уже двѣ зари только оставались до отплытія его изъ Охотска, какъ вдругъ неумолимая смерть воскинула его въ страны, никому неизвѣстныя!

Всѣ.

И мы осиротѣли!

Старѣйшина.

О ты, которому нѣтъ на языкѣ моему досшойнаго названія! человекомъ называть себя мало, когда и мы человеки. Ты умеръ, но и по смерти намъ благодарствуй! — Подиже, чада мои, подиже на пристань: тамъ вы увидите земледѣльческія орудія, разныя рѣдкости, привезенныя Рускими — и все это для насъ, говорятъ они, было имъ приговорено!

Афогнакѣ.

О горе! о горе! Полно съ радостию
встрѣчать свѣтлое солнце! оно опять
исчезнетъ и опять возникнетъ въ яркомъ
сіяніи; а мы все не увидимъ нашего друга!

Старѣйшина.

Я вижу, вижу и теперь его живо, когда
онъ, гуляя съ нами въ полѣ, остановился,
уперъ въ грудь свою нѣжій желѣзній
шволъ, и вдругъ отъ лица его вспыхнула
молнія, грянулъ громъ, и мы всѣ вокругъ
его пали; онъ перваго меня подѣмлетъ,
ободряетъ блѣднаго и дрожащаго; ведетъ
за руку далеко впередъ и указываетъ на
пищу, молніей его пораженную; мы всѣ
просперли къ нему руки, нарекли его
всемощнымъ; но онъ запретилъ намъ сіе
названіе — „зовите меня, сказалъ онъ,
вашимъ другомъ!“

Афогнакѣ.

Какое смиреніе! А помните ли шотъ
пихой, пріятный вечеръ, когда мы си-
дѣли вокругъ его на краю крушаго берега?
Красное, зардѣвшееся солнце стояло полу-
кругомъ на самомъ морѣ; другая же по-
ловина его уже свѣтилась сквозь синія
воды: онъ вѣщалъ намъ о Создателѣ
міра, о началѣ человѣковъ, о разныхъ и

различныхъ народахъ, населяющихъ землю, о дивныхъ Искусствахъ, дополъ намъ неизвѣстныхъ: какъ дѣлають булави, поскѣкающій съ одного удара многовѣчное дерево; изъ чего составляется порохъ, убивающій издали, подобно грому; какъ съ неизмѣримой высоты неба похищается огонь у самаго солнца. Мы въ благоговѣнномъ безмолвіи ему, внимали, неподвижно устремивъ на него удивленные взоры; потомъ съ восторгомъ спрашивали его: „гдѣ ты научился такой премудрости? Всемогущій ли, царствующій превыше неба, открылъ тебѣ во сновидѣніи? Духъ ли ты благотворный, ниспосланный къ смертнымъ, чибѣ показати имъ на землѣ счастье?“ — „Друзья мои!“ съ крошечностію отвѣчалъ онъ: „что я знаю, то знаю и всѣ въ моемъ отечествѣ; происхожденіе же мое далеко, далеко онъ того, какимъ вы его счищаете. Нѣтъ! я не Духъ, а бренный, какъ и вы, смертный; отецъ мой питался трудами рукъ своихъ.“ — И потомъ рассказывалъ онъ о странѣ Руской, о великой ея Повелительницѣ, владычествующей надъ семью морями и покорившей многія царства; рассказывалъ объ опечесивенныхъ законахъ, нравахъ, обычаяхъ и просвѣщеніи.

Другой.

Что мы до него были? не многимъ превосходяще звѣрей, которыхъ выдолбленныя головы служили намъ вмѣсто шлемовъ; вся наша слава была везаншь съ Ахмохметами, Колошами, Коняками и прочими сосѣдами; все упражненіе состояло въ томъ, чшобы гоняшьяся за волками по дремучимъ дубравамъ, въ страшныхъ ущелинахъ высокихъ горъ, или дрожать цѣлые дни въ озерахъ, ловя въ нихъ рыбу для пропитанія; всегда въ тяжкихъ трудахъ, всегда въ опасностяхъ!

Женщина

И всякой день въ одиначествѣ. Дѣти наши росли, выроетали и не видали ниже ласковаго ошъ отца взгляда; бывало сидимъ подгорюнясь предъ своими хижинами; глядимъ на порхающихъ пшичекъ: онѣ поютъ, вьются другъ около друга, милуются, а мы однѣ, а мужья наши далеко! Лѣтнее солнце мещетъ на насъ жаркіе лучи свои; горитъ, горитъ наше-сердце, и нѣтъ ему ошрады! Но другъ нашъ показалъ намъ новую жизнь: шеперь любезный мой воздѣлываетъ землю близъ своей хижины, а я шуть же сажу овощи или пряду мягкую волну; трудимся и разговариваемъ, работаемъ и ушѣшаемся, видя вокругъ насъ играющихъ милыхъ дѣшей нашихъ.

Афогнакъ.

Уже не кипишь въ насъ кровь, не сверкаетъ изъ очей нашихъ ярость при встрѣчѣ съ иноплеменникомъ; нынѣ Афогнакъ братъ Ахмохмешу, Ахмохмешъ братъ Афогнаку. — О другъ мой! такъ, тебѣ я обязанъ новымъ для меня чувствомъ, — чувствомъ святыя дружбы! Ты подарилъ мнѣ не брата, не сына, но человека, котораго я люблю теперь не меньше того и другаго: Послушайте: некогда взялъ онъ меня съ собою осматривать здѣшнія растѣнія; упомянутый переходомъ черезъ крупныя горы и обширныя степи, склонился онъ ко сну подъ тѣнью спараго дуба.... Я сидѣлъ въ головахъ его; опершись на булаву, охранялъ нашего друга онъ ядовитаго змѣя. Вдругъ слышу шорохъ: обратился, и вижу одного изъ Ахмохмешовъ, — съ которыми тогда мы воевали, — притаившагося за деревомъ и внимательно на насъ смотрящаго; я вскочилъ, бросаюсь на него, заносю тяжкую булаву мою; иноплеменникъ защищается. Вопль нашъ разбудилъ друга; онъ прибѣгаетъ и обезоруживаетъ — меня словомъ, того блескомъ оспрыя сабли, которую онъ въ первый разъ еще увидѣлъ. — Вы знаете, братья, что по возвращеніи нашемъ въ селеніе онъ ондалъ плѣнника мнѣ, и всѣхъ насъ уговаривалъ любить

его; знаете и то, какую попомъ Ахмох-
мешъ оказалъ мнѣ услугу; она содѣлала
его изъ плѣнника другомъ, вѣчнымъ моимъ
другомъ! Ахъ! естлибъ не онъ растерзалъ
звѣря, исхишивъ меня почти изъ его
челюстей прощай, любезная моя по-
друга! прощайте, милья дѣши! давно бы
вѣтръ свисталъ на моей могилѣ.

Другой.

Кто же теперь будетъ научать насъ?

Третій.

Съ кѣмъ совѣтоваться?

Четвертый.

Кому ходатайствовашъ за насъ у ве-
ликой Царицы Сѣвера?

Старѣйшина.

Умолкнемъ, чада мои! Богъ можетъ
все, другъ нашъ говаривалъ. И такъ, ко-
гда уже ни слезы, ни вопль, ни тысячи Ду-
ховъ небесныхъ не могутъ воскресить его,
то вознесемъ лучше ко Всемогущему пла-
менныя наши моленія, да воспріиметъ
Онъ его къ Себѣ въ чертогъ неприспущаго
свѣта, и да будетъ другъ нашъ опнынѣ
ангеломъ нашимъ хранителемъ! Падемъ
съ благоговѣніемъ!

Всѣ.

Да будетъ тако! да будетъ тако!

*Старѣйшина, а за нимъ и всѣ пада-
ютъ ницѣ.*

Ш.

XII.

КЪ ЭМИЛИИ.

*(Издатель Вѣстника одолжитъ меня,
напечатавъ стихи мужа моего. Они
для меня хороши; а можетъ быть по-
нравятся и другимъ женщинамъ, ко-
торыя щастливы любовью мужей сво-
ихъ. — Эмилія.)*

Подруга милая моей судьбы смиренной,
Которою меня Богъ щедро наградилъ!
Ты хочешь, чтобы я, спокойствомъ усыпленной
Для себѣ и для Музъ, талантъ мой про-
будилъ,
И людямъ о себѣ напомнилъ бы стихами.
О чемъ же мнѣ пишешь? Въ душѣ моей одна,
Одна живая мысль; я разными словами
Могу сказать одно; душа моя полна
Любовію свяшой, блаженствомъ и тобою:
Другое кажется мнѣ скучной суетою.
Сказавъ тебѣ: люблю! уже я все сказалъ.
Любовь и щастіе въ романахъ говорливы,
Но въ истинѣ своей и въ сердцѣ молчаливы.
Когда я щастіе себѣ воображалъ;

Когда искалъ его подъ бурнымъ небомъ свѣта,
 Тогда о прелестяхъ *сокрытаго* предмета
 Я часто говорилъ; игралъ умомъ своимъ,
 И шѣни прибирашь любилъ однѣ къ другимъ,
 Въ *отсутствіи* себя портретомъ упѣшая;
 Тогда я щасливъ былъ, о щаспїи мечтаю:
 Мечта прїятна намъ, когда она жива.
 Но нынѣ, милый другъ, сильнѣйшія слова
 Не могутъ выразить сердечныхъ наслажденій,
 Ко порыя во всемъ съ тобою *я* кожу.
 Блаженство предо мной; я на тебя гляжу!
 Считаю радости свои числомъ мгновеній,
 Не думая о томъ, какъ ихъ изображать.
 Любовникъ можетъ ли любовницу писать?
 Картина пишется для взора, а не чувства,
 И сердцу угодить не спанетъ въ вѣкъ искусства.
 Но естлибъ я и могъ, любовью вдохнуенъ,
 Въ стихахъ своихъ излишь всю силу, нѣжность
 .. жара,
 Которымъ твоей супругъ щасливый упоенъ,
 И кистію живой, и чародѣйствомъ дара
 Все щаспїе свое какъ въ зеркалъ явишь:
 Не думай, чптобы шѣмъ я могъ другихъ плѣ-
 .. нить.
 Ахъ, нѣтъ! сердечный звукъ столь тихъ, что
 .. онъ не внятенъ
 Въ мяшежныхъ суепахъ и въ хаосѣ спрасшей.
 Кто истинно блаженъ, томъ свѣшу не прїя-
 .. шенъ,
 Служа саширою почти на всѣхъ людей.
 Столь рѣдко щаспїе! и столь несправедливы
 Понятія объ немъ! Иначе кто въ серебрѣ,
 Въ приманкахъ гордоспи, въ чинахъ и при
 .. Дворѣ,
 Искалъ бы здѣсь его? Умы самолюбивы:

Я спорить не хочу ; но мнѣ позволять быть
 Довольнымъ въ хижинѣ, любимымъ — и любить!
 Такъ пастырь съ берега взираетъ на волненья
 Непшунowychъ пучинъ, и видитъ корабли
 Игралищемъ стихій ; желаетъ имъ спасенья,
 Но радъ, что онъ спойтъ надежно на земли.
 Нѣтъ, нѣтъ, мой милой другъ ! сердечное
 блаженство

Желаетъ тишины, а Музы любятъ шумъ ;
 Не истина, но блескъ въ Поэтѣ совершенство,
 И ложь красивая плѣняетъ свѣтскій умъ
 Скорѣе, чѣмъ языкъ простой, неліцемерный,
 Которымъ говорятъ правдивыя сердца.
 Сказавъ, что всякой день, съ начала до конца,
 Мы любимъ быть одни ; что мы другъ другу
 вѣрны

Во всѣхъ движеніяхъ открытыя души ;
 Сказавъ, что всѣ для насъ минуты хороши,
 Въ которыя никто намъ не мѣшаетъ вольно
 Другъ съ другомъ говорить, другъ друга цѣ-
 ловать,

Ласкаться взорами, задуматься, молчашь ;
 Сказавъ, что малаго всегда для насъ довольно ;
 Что мы за все, за все Творца благодаримъ,
 Не просимъ чуждаго, но щасливы своимъ,
 Моля Его, чтобъ Онъ безъ всякихъ прибавле-
 ній

Оставилъ все, какъ есть, въ самихъ насъ и
 вокругъ :

Я вкусу *златоковъ* не угожу, мой другъ !
 Гдѣ шутъ Поэзія ? гдѣ вымысль украшеній ?
 Я истину скажу ; но кто повѣритъ ей ?
 Когда пылающій любовникъ (часто мнимый)
 Стихами говоритъ любовницѣ своей,
 Что для него она предметъ боготворимый ;

Что онъ единственно къ ней спраспїю живетъ;
 За нѣжный взоръ ея короны не возьметъ,
 И прочее: тогда ему иной повѣритъ:

„Любовникъ, думаюшъ, въ любви не лїцемѣ-
 ритъ;

„Обманываетъ онъ себя, а не другихъ.“

Но чтобъ супружество для сердца было раемъ;

Чтобъ въ мирной тишинѣ прїятносшей своихъ

Сно казалось всегда цвѣтущимъ Маемъ,

Безъ хлада и грозы; чтобъ нѣжный Гименей

Былъ спраспенъ, и еще сильнѣе всѣхъ спра-
 сшей:

То люди назовушъ безсовѣстнымъ обманомъ.

Исторїя любви шамъ кажется романомъ,

Гдѣ все романами и дышетъ и живетъ.

Нѣтъ, милая! любовь супруговъ такъ священна,

• Что бытъ должна отъ глазъ нечистыхъ сокро-
 венна;

Ей сердце храмъ святой, свидѣтель Богъ, не
 свѣтъ;

Ей щасье другъ, не Фебъ, другъ свѣта и при-
 шворства;

Она по скромности не любитъ спихошворства.

ПОЛИТИКА.

I.

Рѣчь Государственнаго Совѣтника Порталиса, которому поручено было отъ Консуловъ представить на разсмотрѣніе Законодательному Совѣту новый проектъ гражданского Уложенія для Франціи.

Граждане Законодатели!

Правленіе считало главною своею обязанностию исполнить всеобщее желаніе Французовъ и предложитъ вамъ на разсмотрѣніе новую, полную систему гражданскихъ законовъ. При концѣ вашего послѣдняго засѣданія врученъ былъ каждому изъ васъ главный планъ сего Уложенія, чтобы вы могли — въ нѣдрахъ семейства, и слѣдуя нѣжнѣйшимъ вдохновеніямъ чувствъ супруга, сына или отца, — размыслить о тѣхъ правилахъ, которыя должно будетъ вамъ обратитъ въ законъ для народа.

Въ самое то время, когда арміи наши сражались для славы и силы отечества, мудрое Правленіе въ тишинѣ пежлося о другомъ могуществѣ, которое едва

ли не болѣе воинской славы уважается народами. Я говорю о могуществѣ благихъ учрежденій и законовъ. Иностранцы, недруги или совѣснники, спрашавшая самыхъ малѣйшихъ выгодъ победы, но видятъ спокойно щастливѣйшіе плоды внутренняго благодѣтельнаго образованія. Сіе чувство понятно: ибо успѣхи мудраго Правленія доказываютъ добродѣтель его, которая служитъ защитою отъ злоупотребленій власши.

Какое великолѣпное зрѣлище народъ Французскій предспавляетъ свѣту? Въ одно время предлагаютъ вамъ для утвержденія и дружественные пракшаты и гражданскіе законы! Миръ и правосудіе объёмлются въ семь свѣщиллицъ! Ни одна минута для щастія не потеряна. Среди войны мы приговорялись наслаждаться тишиною, и великія воспомнанія побѣдъ нашихъ будутъ для насъ ободреніемъ въ трудахъ мирныхъ.

Что есть гражданское Уложеніе? собраніе законовъ, утверждающихъ связи общества, семейства и всѣхъ гражданъ между собою.

Каждое общество имѣетъ свое гражданское право, которое всегда мало по малу образуется. Сперва народъ управляется болѣе обычаями, нежели законами.

Отъ успѣховъ просвѣщенія рождаются понятія о благѣ общемъ и справедливости. Отъ времени до времени выходятъ законы, которые исправляютъ или дополняютъ обычаи. Многочисленные рѣшенія, часпо одно другому прошивныя, должны соглашаться законы съ обыкновеніями. Наконецъ гражданское право дѣлается смѣсно обычаевъ и правилъ, различныхъ и несогласныхъ.

Если въ семъ случаѣ Правительство захочетъ сочинить новую и совершенную систему гражданскихъ законовъ, то первою трудностію будетъ соединить всѣ нужныя знанія, по большей части разсѣянныя и не бывшія никогда предметомъ основательныхъ соображеній.

Гражданское право до всего касается. Благо общее всегда прошивно частному благу многихъ. Для кого настоящій порядокъ выгоденъ, тотъ ненавидитъ перемены; для кого не выгоденъ, тотъ боится еще большаго вреда. По крайней мѣрѣ всякой хотѣлъ бы дѣйствіе устава обратить въ свою пользу, не думая о вредныхъ слѣдствіяхъ для другаго.

Прежде Авторы, Ученые и Философы презирали науку закона; они были удаляемы отъ нее пріятностію другихъ Искусствъ, а еще болѣе таинственною

Полишикою тогдашнихъ временъ, которая боялась дозволить уму заниматься гражданскимъ обществомъ, и терпѣла однихъ Поэтовъ, Теологовъ и Геометровъ. Тогда законодательство могло свободно во всемъ ошибаться; но теперь рождаются новое затрудненіе: теперь Ученые хотятъ Метафизику свою сообщить гражданскому Уставу, и законодатель безпрестанно долженъ сражаться съ системами.

Мы обязаны были въ планъ своемъ не раболѣпствовать ни духу систематическому, который хочетъ все разрушить, ни духу суевѣрія, рабства и лѣности, который хочетъ все сохранить.

Съ половины осьмого - надесять вѣка умы въ волненіи. Мы возгордились открытіями своими въ Физикѣ, и захотѣли преобразить мѣръ политической. Все старое казалось намъ несовершеннымъ, и сіе чувство произвело множество твореній, которыя воспалили разумъ, не просвѣтивъ его, и завели насъ въ страну мечтаній.

Нѣкоторые люди сожалѣютъ, что въ нашемъ планѣ нѣтъ ни одной великой, общей идеи, и что онъ представляеть только соединеніе Римскаго Права съ нашими старинными обычаями. Но что такое великая идея? Смѣлая новосць, или учрежденіе, подобное Ликургову? Граждане

Законодатели ! увѣримся , что смѣлая новостъ бываетъ часто блестящимъ заблужденіемъ, которое, подобно молніи , вмѣстѣ сверкаетъ и разитъ. Опличимъ духъ творческой отъ духа разрушительнаго. Учрежденія Ликурговы и Солоновы , еполь для насъ чудесныя , были основаны на тогдашнихъ нравахъ. Солонъ говоритъ самъ , что по народу должны быть и законы. Древнія времена не сходны съ новыми. Тогда народы были , такъ сказать , *уединеннѣе* , и скорѣе могли принять особенныя для себя учрежденія. Нынѣ торговля произвела между государствами такую связь , какой прежде не было и между городами одной области ; нынѣ у всѣхъ просвѣщенныхъ Европейскихъ народовъ одни Искусства и науки , одна Религія — и народъ , который захотѣлъ бы удалиться отъ другихъ своими правилами , привелъ бы свое Министерство въ великое затрудненіе, или долженствовалъ бы отказаться отъ всѣхъ сношеній съ Европою.

Я спрашиваю : какой народъ выдумалъ для себя совершенно новые законы ? Заглянемъ въ Испорію , которая есть *олытная Физика* законодательства : она доказываетъ , что вездѣ уважались древнія правила , слѣдствіе долговременныхъ опытовъ.

Законъ двѣнадцати скрижалей былъ ничто иное, какъ собраніе уставовъ прежнихъ Царей Римскихъ. Уложеніе Юстиніана ново есть также собраніе. Во Франціи славныя учрежденія Канцлера Опиталя и Лудовика XIV суть мудрое избраніе лучшихъ древнихъ обычаевъ и уставовъ. Въ наше время Фридрихъ II, Король - Философъ, въ Уложеніи своемъ соединилъ только методически разныя правила, которыя мы отъ Римлянъ наслѣдовали, и которыя просвѣтили Европу. Для чего же намъ отвергать наслѣдіе опцевъ нашихъ?

Правда, что для государствъ бываютъ нѣкоторыя рѣшительныя эпохи, въ которыя отъ чрезвычайныхъ случаевъ переменяется ихъ свойство, подобно какъ темпераментъ въ челоѣкѣ. Тогда нужно и необходимо вводить новое; тогда народъ, подѣ вліяніемъ щасливаго Генія, можетъ уничтожить разныя злоупотребленія и воспріять нѣкоторымъ образомъ новую жизнь. Но и тогда сей народъ, если ли онъ уже давно существуетъ и давно занимаетъ мѣсто между первыми націями, долженъ поступать осторожно, и возвышаясь съ пылкостью новаго народа, сохраняя всю зрѣлость древняго. На дикой землѣ можно всячески дѣйствовать оспріемъ косы; но земля обработанная

требуетъ вниманія : надобно скосить однѣ вредныя травы.

Мы сочли должностію отдѣлить новыя республиканскія учрежденія отъ древнихъ спасительныхъ правилъ , освященныхъ уваженіемъ народовъ. Хотя Геній можетъ , сообщаясь мыслию съ блаженствомъ людей , открыть нѣкоторыя отношенія (гарports) , прежде неизвѣстныя ; но одно время должно пріучить насъ къ симъ новымъ истинамъ , и мудрый законодатель идетъ медленно въ слѣдъ за Геніемъ , боясь оставить назади и потерять изъ виду умы обыкновенные.

Мы знали, что уставы должны быть не только хороши , но и пристойны ; что духъ умеренности есть истинный духъ законодателя, и что добро политическое, вмѣстѣ съ добромъ нравственнымъ , бываетъ всегда среди двухъ крайностей.

Что принадлежитъ до порядка Уложенія , то самый лучшей союзъ бы конечно въ непримѣтномъ переходѣ отъ одной части къ другой, такъ , чтобы онѣ соединялись своими оппѣнками. Но всегда ли можно найти сіи оппѣнки ? Излѣдовавъ съ величайшимъ вниманіемъ всѣ методы Юрисконсультовъ , мы увѣрились, что такія раздѣленія будутъ всегда произвольныя ; и для того , слѣдуя обыкновен-

по порядку Римскихъ уставовъ , предлагаемъ въ началѣ нѣкопорыя истины о законахъ вообще , а послѣ говоримъ о людяхъ, вещахъ и способѣ пріобрѣтать ихъ.

Сочинители опредѣляютъ разныя права : естественное , народное, гражданское, и проч. Права существуютъ для людей; ибо законодатель единственно для ихъ пользы уважаетъ вещи.

Мы признаемъ со всѣми Моралистами, что родъ человеческой составляетъ одно великое семейство, которое отъ многочисленности своей должно раздѣляться на разныя общества, называемыя *народами*; части ихъ, имѣя отношеніе къ общей системѣ, имѣютъ еще особенную связь между собою. Отъ сего въ каждомъ обществѣ происходитъ различіе между *своими* и *чуждыми* людьми, котораго мы не хотѣли уничтожить, ибо оно естественно; но какъ Природа дала людямъ свободу вездѣ искать счастья, то намъ оставалось опредѣлить условія, по которымъ иностранецъ можетъ сделаться Французомъ, и Французъ иностранцемъ.

Нѣкопорые Философы думали, что гражданскія права должны быть общія, и что всѣ народы составляютъ одинъ народъ. Сія мысль прекрасна и человеколюбива, но противна *любви къ отечеству*,

котораго уже нѣтъ для гражданни мѣра. Человѣколюбіе и справедливость суть общія связи народовъ; но гражданинъ въ своей землѣ долженъ имѣть особенныя выгоды. Правила другихъ народовъ въ разсужденіи насъ будутъ нашими правилами въ разсужденіи ихъ; между нѣмъ народное право есть собственность всѣхъ иностранцевъ въ Республикѣ.

Пресупленія опнимаютъ у Французовъ гражданское право; тотъ не есть уже членъ общества, кто нарушаетъ условіе онаго.

Человѣкъ занимаетъ одну точку въ пространствѣ и времени: и шакъ ему должно имѣть жилище; онъ свободенъ перемѣнять его, но только съ нѣкоторыми условіями, чпобы люди, имѣющіе съ нимъ по дѣламъ связь, не были обмануты и могли находить его.

Законы всегда пеклись объ отсутствующихъ; сіе человѣколюбивое попеченіе еще нужнѣе въ наше время, когда торговля, промышленность, художества и науки безпрестанно заставляютъ людей путешествовать. Законодатель обязанъ быть покровителемъ тѣхъ, которые съ опасностію для жизни странствуютъ по отдаленнымъ странамъ, чпобы обогат-

шишь отечество сокровищами торговли или ума.

Общество состоитъ не изъ людей разсѣянныхъ, но изъ семействъ, которыя суть малыя общества. Семейства образуются бракомъ, предметомъ самой Наипуры; его вліяніе на благо общества спольважно, что законодатель не можетъ осмѣивить его на произволь спраспей.

Бракъ раждаетъ обязанности для супруговъ: и такъ надобно знать тѣхъ, которые входятъ въ сію обязанность — онъ долженъ быть торжественнымъ дѣйствіемъ.

Надобно сообразоваться съ цѣлію Природы въ разсужденіи брака; надобно положить лѣта для супружества.

Должно способствовать брачнымъ союзамъ и чистотѣ нравовъ: по тому запрещается супружество между родными у всѣхъ народовъ, ибо вездѣ говоритъ Природа.

Вообще одна смерть разрываетъ союзъ брачный; но законы не должны быть строже Религіи — и для того въ нѣкоторыхъ случаяхъ мы дозволяемъ разводъ, но только въ рѣдкихъ и важныхъ, чшобы супружество не сдѣлалось цѣлію корыстолюбія и развратомъ.

Каждое семейство должно имѣть свое правленіе ; супругъ , отецъ , были всегда его начальниками. Права ихъ въ Респуб-ликахъ еще обширнѣе , нежели въ Монархіяхъ ; чтобы безъ опасности ограничить власть гражданскихъ начальниковъ , должно распространить власть начальниковъ семейственныхъ.

Граждане законодатели ! вы утвердите сію священную власть семейства , чтобы утвердить свободу гражданина. Семейство есть святилище нравовъ : въ немъ сердечныя добродѣтели приготавливаютъ человека къ добродѣтелямъ гражданскимъ ; въ немъ чувства природы располагаютъ насъ къ исполненію обязанностей закона.

Общество для пользы своей не признаетъ никакихъ тайныхъ и невѣрныхъ союзовъ : для того вездѣ опличаются законныя дѣла отъ незаконныхъ.

Малолѣтныя должны быть подъ защитою законовъ : и для того учреждается опека.

Усыновленіе есть дѣйствіе разума и заступаешь слѣпыя дѣйствія чувствъ ; оно есть вдохновеніе нѣжнаго сердца , хотящаго размножить предметы любви своей ; можетъ также быть слѣдствіемъ благопорицельности , споль любезной гражданскому обществу. Но чтобы уви-

повленіе не благопріятствовало холостой жизни, то его можно позволить единственно женашымъ или вдовцамъ.

Мы думаемъ, что разумъ челоѣка созрѣваетъ на двадцать-первомъ году, и сіи лѣта называемъ совершенными; но для законнаго супружества назначаемъ 25 лѣтъ: ибо сіе обязательство всего важнѣе и опаснѣе.

Челоѣкъ въ совершенныхъ лѣтахъ можетъ быть безуменъ: тогда законъ беретъ его подъ свою опеку, и лишаетъ его свободы, чтобы сохранить ему жизнь.

Таковъ планъ нашъ въ разсужденіи людей. Что принадлежитъ до имѣнія, то мы различаемъ его роды: движимое и недвижимое. Въ наслѣдствѣ и въ контрактахъ заключающахся всѣ способы пріобрѣтенія.

Наконецъ мы утвердили правило, что граждане не могутъ частно между собою обязываться на противное общему благу и добрымъ нравамъ. Сіе правило есть записка Морали.

Нужно ли доказывать, сколько необходимо для Франціи общее гражданское уложеніе? Вы сами утвердили сію необходимость. Временные и случайные законы, изданные въ теченіе Революціи, уподоблялись плавающимъ доскамъ на бурномъ

морѣ. Народъ Французскій пребудетъ вѣчныхъ, неизмѣнныхъ правилъ въ основаніе своего благоденствія.

II.

*О послѣднихъ военныхъ дѣйствіяхъ
въ Египтѣ,*

Сочиненіе Генерала Ренье.

Предлагаю теперь одно извлеченіе изъ моего описанія всѣхъ Египетскихъ происшествій, которое скоро выдетъ въ свѣтъ; оно докажетъ, что наша Восточная армія не потеряла прежней славы своей, и что Англичане одному случаю обязаны своими успѣхами.

Диванъ пребожалъ вспоможенія отъ Англичанъ для завоеванія Египта, но испугался, когда они прислали туда цѣлую армію, которая могла дѣйствовать сама собою. Турецкое Правленіе равно боялось ихъ и нашихъ успѣховъ, полагая, что въ томъ и въ другомъ случаѣ Египетъ останеся въ чужихъ рукахъ. Сей страхъ, вмѣстѣ съ опзывами Россійскаго Посла, произвелъ то, что Турки старались болѣе вредить, нежели способствоватьъ предпріятію Англичанъ; что они

соединились съ ними тогда, когда уже Англичане сдѣлали высадку, и что Визирь не прогался съ мѣста прежде ихъ побѣды.

Англичане, уважая Воспочную армію, и страшась ея извѣданной храбрости, были увѣрены, что предпріятіе ихъ обратится имъ въ гибель; такъ думали лучшіе ихъ Офицеры. Но зная, что первый Генераль ея не имѣлъ довольно опытности въ важномъ своемъ начальствѣ, они надѣялись воспользоваться его ошибками и побить нашу армію въ гаспяхъ. Одна сія надежда заставила ихъ повиноваться Англійскому Министерству и сдѣлать высадку — что отъ нихъ самихъ слышали Французскіе Офицеры.

Вина Генерала Мену состояла въ томъ, что онъ былъ зависникомъ тѣхъ Генераловъ, къ которымъ армія имѣла довѣренность (*); что онъ удалилъ ихъ и дѣлалъ имъ всякія неудовольствія. Во Франціи говорили, что всѣ Генералы идутъ противъ Мену, и не хотѣли оставаться

(*) Мену ненавидѣлъ Генерала Ренне, который былъ лучшей изъ Египетскихъ Генераловъ; а самъ Мену никогда не бывалъ въ сраженіяхъ, по крайней мѣрѣ никогда не начальствовалъ, и прежде Революціи извѣстенъ былъ только своимъ хвастовствомъ и дерзостію въ обществѣ.

въ Египтѣ; но это не правда, и Франція вѣрила ложнымъ слухамъ.

Какія мѣры взялъ сей мнимый ревностный защитникъ Египта? При жизни Клебера всѣ кассы были наполнены деньгами, собранными имъ съ жителей послѣ его славной Геліополисской побѣды: Мену вздумалъ, что ихъ на все станетъ; распочалъ оставленное Клеберомъ, и не мыслилъ о новыхъ доходахъ. Не вѣря никакимъ предпріятіямъ со стороны Англичанъ, не хотѣлъ заводить магазиновъ; и когда пришли Англичане, у насъ не было ни денегъ, ни доспапочнаго провіанта.

Мы всячески оскорбляли Мурадъ-Бей, и отвергнули его помощь, которая была весьма нужна.

Часнь того войска, которому надлежало оборонять берега, была удалена отъ нихъ; приказаніе Клебера, имѣть въ Дельтѣ резервный корпусъ для подкрѣпленія всѣхъ пунктовъ атаки, оспалось безъ исполненія.

Когда Англійская армія вышла въ Абукирѣ на берегъ, тамъ было мало войска. Солдаты наши дрались храбро на всякомъ шагу; но имъ должно было уступить несравненно превосходному числу.

Непріятельской флотъ показался 10 *Вантоза* при Абукирѣ, но за противнымъ вѣтромъ не могъ цѣлую недѣлю приблизиться къ берегу. Въ Каирѣ узнали о прибытіи его черезъ три дни; если бы немедленно отправили кавалерію, то она пришла бы въ самый день высадки; а по слѣдамъ ея могла бы идти и вся армія. Англичане не имѣли бы времени привести въ порядокъ свою артиллерію, занявъ выгодныя мѣста, укрѣпиться, и были бы непременно опрокинуты въ море.

Но Французская армія была разсѣяна по Египту. Напрасно доказывали Генералу, что однихъ Англичанъ надлежало спрассить; что они могли пристать только въ Абукирѣ; что Визирь не тронется съ мѣста прежде ихъ удачи; что должно соединить всѣ силы противъ Англійской арміи, и проч.

Мену послалъ въ Александрію съ Генераломъ Ланюсомъ только одну часть его дивизіи и полкъ конницы. Они пришли на мѣсто черезъ два дни послѣ высадки.

Англичане пять дней выгружались и готовились къ дѣйствию; наконецъ пошли къ Александріи. Ихъ было 17000, а Французовъ только 4000. Необходи-

мость требовала сохранить съ Каиромъ сообщеніе: ибо отсюда ежеминутно ожидали арміи; и для того Генералы наши старались не пустить Англичанъ на Каирскую дорогу. Сей малочисленный корпусъ долгое время оспаривалъ побѣду, и долженъ былъ отступить къ Александріи, видя, что ему не можно опразить Англичанъ отъ Канала. Французы съ горестію уступили мѣсто; они чувствовали, что Мену пропускаетъ лучшее время для успѣха, и что въ этотъ день 10000 нашихъ могли бы испребитъ непріятеля.

Такое упорное сраженіе слабаго корпуса съ цѣлою арміею и смѣлое расположеніе его на высотахъ Александріи удивило Англичанъ. Пораженные большимъ числомъ убитыхъ и раненыхъ своихъ, они не смѣли итти впередъ, остановились и спѣшили укрѣпиться въ самомъ тѣсномъ мѣстѣ между озеромъ Мадіескимъ и моремъ.

Генераль Мену узналъ 20 число въ Каирѣ, что Англичане вышли на берегъ, и долженъ былъ наконецъ итти на помощь; но вмѣсто того, чтобы взять все войско, оставилъ вездѣ сильныя гарнизоны.

29 Пришелъ онъ въ Александрію. Англичане въ 8 дней имѣли время окопаться и окружили себя бапареями. Ихъ было

16000 въ сей положеніи, а Французовъ не болѣе 9500. Но обстоятельства принуждали насъ къ сраженію, чшобы, побивъ ихъ, слѣшить на встрѣчу къ Визирю. Казалось, что занявъ легкимъ нападеніемъ лѣвое крыло Англичанъ, и устремивъ между тѣмъ всѣ силы на правое, можно было привести непріятеля въ безпорядокъ, и конницею довершить побѣду.

Сей планъ (*) вручили Генералу Мену, которой назначилъ 50 число для его исполненія.

Генераль Ланюсъ, предводитель главнаго атакующаго корпуса, былъ къ нещасщью убитъ въ самомъ началѣ дѣйствія. Приказанія его были дурно исполнены; наше войско пришло въ безпорядокъ. Солдаты разсѣялись передъ непріятельскими окопами; надлежало ихъ соединить и снова вести въ атаку; но Генераль Мену встрѣшилъ за фрунтомъ кавалерію, и велѣлъ ей ударить въ непріятеля. Она исполнила приказаніе съ величайшею неуспрашимостію, и врѣзалась въ самую средину непріятельской пѣхоты; но уже двѣ трети нашихъ храбрыхъ кавалеристовъ лежали на землѣ отъ Англійскихъ

(*) Самъ Ренъ сочинилъ его.

картечь; остальные должны были отступить. Между темъ Генералъ Ренье, копорой спѣшилъ съ праваго крыла на помощь къ лѣвому и къ центру, чтобы снова напасть на правый фланкъ непріятельской, не могъ съ корпусомъ своимъ дѣйствовать отъ движенія кавалеріи. Ея истребленіе опняло у насъ всю надежду побѣдить; мы отступили.

Превосходство въ числѣ, выгоды укрѣпленія, несчастное повелѣніе, данное конницѣ ударить въ непріятеля, доставили Англичанамъ побѣду, копорая могла бы немедленно рѣшить для славы ихъ и завоеваніе всего Египта, естли бы они умѣли ею воспользоваться. Но огорченные смертію Генерала Аберкомби, своею потерєю, и увѣренные въ превосходствѣ Французской храбрости, они не вѣрили своимъ успѣхамъ, и боялись выйти изъ окоповъ.

Французская армія имѣла еще способности дѣйствовать противъ непріятеля, слишкомъ осторожнаго и медленнаго. Надлежало соединить все войско, вывести гарнизоны, напасть на Англичанъ, когда бы они пошли въ Розету — и Египетъ могъ бы еще остаться нашимъ. Нѣсколько разъ говорили о томъ Генералу Мену; но онъ не хотѣлъ слушать, обма-

нывая себя несчастною мыслию, что неприятель уже ни на что не отважится.

Армія была передъ Александріею въ самомъ невыгодномъ положеніи; вмѣсто того, ей надлежало бы войти въ укрѣпленія, умножить ихъ, и оставить въ городѣ одинъ небольшой гарнизонъ. Для прокормленія войска истощились все магазины въ Александріи, которые, въ противность Клеберовымъ приказаніямъ, были весьма скудны. Если бы армія удалилась во внутренность Египта, то она нашла бы тамъ для себя изобиліе съѣстныхъ припасовъ, и гарнизонъ Александрійскій, выславъ изъ города часть жинелей, могъ бы еще долго держаться.

Англичане вмѣстѣ съ Турками, пришедшими съ Капитанъ-Пашею, завладѣли Розетою. Мену поздно уже отправилъ въ Розету нѣсколько отрядовъ войска, одинъ за другимъ; но они, будучи слабы числомъ людей, не могли выгнать неприятеля, и расположились въ Раманѣ.

Такимъ образомъ армія раздѣлилась на три части, и лишилась всехъ способовъ опразить неприятеля.

Въ Раманѣ было около 4000. 8000 Англичанъ и 6000 Турковъ напали на сей корпусъ: онъ отступилъ къ Каиру,

Соединеніе его съ тамошнимъ гарнизономъ подало Генералу Бельяру мысль спѣшить на встрѣчу къ Визирю, чшобы побить его прежде прихода Англичанъ, которые шли медленно къ Каиру. У Визиря было 20000 человекъ и множество Англійскихъ Канонировъ. Генераль Бельяръ едва собралъ 5000 человекъ, съ которыми встрѣпилъ онъ въ Эльменаертъ передовое Турецкое войско. Но Турки убѣгали сраженія. Генераль Французской, боясь, чшобы Англичане въ его отсутствіе не взяли города, гдѣ остался малочисленный гарнизонъ, и видя, что непріятель не хочетъ вступить съ нимъ въ дѣло, возвратился въ Каиръ, и рѣшился только защищать его.

Англичане приближались, чшобы соединиться съ Визиремъ и съ корпусомъ, присланнымъ черезъ Красное море изъ Индіи; они боялись дѣйствовать порознь. Солдаты ихъ жаловались на климатъ, хотя и не перпѣли той нужды, которую Французы при завоеваніи Египта во всемъ претерпѣвали. Наконецъ сіи три арміи окружили Каиръ.

Французской гарнизонъ долженъ былъ защищать большой, только въ нѣкоторыхъ мѣстахъ укрѣпленный городъ, противъ 40000 непріятелей, и сверхъ того дер-

жашь въ страхѣ многочисленныхъ жителей, которые готовились при первомъ случаѣ взбунтоваться. Въ Каирѣ было 6000 солдатъ и нѣсколько больныхъ, изувѣченныхъ, комиссаровъ и ученыхъ людей, которые вооружились въ сей крайности. Чума еще свирѣпствовала въ городѣ. Благоразуміе не дозволяло выйти съ такимъ малымъ числомъ въ поле, и сразиться. Солданы, разсѣянные по окопамъ, не могли долго прощивиться внутреннему и внѣшнему непріятелю; а ешьли бы и могли, то скоро не стало бы у нихъ ни пороху, ни хлѣба.

Опважность войска и видѣ укрѣпленій, впрочемъ весьма слабыхъ, заставили Англичанъ согласиться на всѣ требованія Французскаго Генерала, которой избавилъ своихъ товарищей отъ плѣна и съ честию возвратился въ отечество.

Александрія, гдѣ остался Мену, скоро почувствовала недостатокъ въ припасахъ. Непріятели, занявъ Марabu и высокія мѣста вокругъ Помпеевой Колонны, принудили Французское войско войти въ городъ, и вступить съ ними въ переговоры.

Восточная армія, помня славу нашу и всѣ прежнія великія дѣла свои, съ нешерпѣніемъ ожидала Англичанъ, чтобы

побѣдою навсегда утвердился въ Египтѣ, и шѣмъ заключилъ свои геройскіе подвиги; но вмѣсто того должна была уступить Египетъ непріятелю! Офицеры и солдаты исполнили свою должность; они не виноваты. Дурное начальство и разсѣянiе войска было причиною всѣмъ бѣдствіямъ; паланты и шпыкъ подчиненныхъ не могли поправить ошибокъ предводителя. Всего же чуднѣе то, что въ самой плодотворной странѣ міра мы терпѣли голодъ!

III.

Письмо изъ Балтимора.

Любопытно и достойно примѣчанія Историковъ вліяніе Французскаго Правленія на духъ народовъ, удаленныхъ, кажется, самою Натурою отъ его дѣйствій. Въ то время, когда фанатизмъ Революціи волновалъ часть Европы и губилъ Французскія Колоніи, въ душѣ невольниковъ Сѣверной Америки развивались чувства дерзости, по справедливости ужасныя для новаго народа, котораго земледѣліе и торговля не могли бы обойтись безъ 800000 Негровъ, столь нужныхъ для успѣховъ

его промышленности. Теперь, когда Французское Правленіе утверждаетъ и спѣшитъ загладитъ всѣ нещастія Революціи; когда новые начальники, присланные имъ въ Гваделупу, дѣйствуя по мудрой системѣ благоустройства, прошибной гибельнымъ системамъ мятежа — теперь невольники наши, такъ сказать, сами собою отстаютъ отъ безразсудныхъ идей, поселенныхъ имъ въ голову ложными Филантропами, въ то время, когда Франція грозилась испровергнуть Старый и Новый Свѣтъ. Подобно морю, котораго бурныя волны выливались изъ береговъ, и которое при началѣ тишины входитъ опять въ свои предѣлы, Американскіе Негры, оставленные въ покоѣ всемірными мятежниками, мирятся съ судьбою и съ должностями своими. Правда, что рабство ихъ ни мало не ужасно для такого человека, которой, родясь въ зависимости, не знаетъ никакихъ мечшательныхъ дѣйствій воображенія, умозрительной Философіи и тонкой Метафизики. Онъ слѣдуетъ въ жизни влеченію рока, не думая объ участи другихъ; родился, живетъ и умираетъ въ семействѣ господъ своихъ, не примѣчая того, что онъ иностранецъ. Его не лзя наказывать произвольно; еслии невольники виноваты,

то господинъ формально приносишь жалобу общественному Цензору, которой, по изслѣдованіи дѣла, можетъ наказатъ ихъ. Однимъ словомъ, Негръ Сѣверной Америки есть щастливый работникъ, имѣющій все нужное для себя, жены и дѣшей своихъ, и живущій безъ всякихъ заботъ.

Иностранецъ, который прѣзжаетъ къ намъ съ Европейскими идеями, не можетъ скрыть своего удивленія, видя здѣшнихъ Негровъ, которыхъ онъ воображалъ себѣ изнуренными, измученными людьми, преданными въ жертву холоду и зною. Какъ перемѣняются его мысли, когда онъ въ Воскресенье и многіе другіе праздники встрѣчаетъ, въ городѣ и въ деревняхъ, веселыя толпы Арабковъ, опрысканныхъ духами, одѣтыхъ еще богаше, нежели госпожи ихъ, — въ дорогихъ перспіяхъ, серьгахъ, ожерельяхъ, кружевахъ — съ раскрашенными перьями на головѣ — въ шаляхъ, въ шелковыхъ бѣлыхъ чулкахъ, въ розовыхъ апласныхъ башмакахъ и въ длинныхъ покрывалахъ изъ Индѣйской кисеи! Сіи женщины идутъ съ своими дѣтьми, мужьями, женихами, къ другимъ невольникамъ на званой балъ, полдникъ, веселятся, плясать, дѣлають еговоръ, выдумываютъ забаву для слѣду-

ющаго праздника , говоритъ очень вольно на счетъ господъ своихъ , на счетъ ближнихъ, совѣстницъ — говоритъ объ всемъ, кромѣ бѣдности , имъ неизвѣстной !

IV.

С М Ъ С Ъ.

На сихъ дняхъ громъ разбилъ въ мѣлкіе куски древній дубъ въ паркѣ Джона Эллиопа. Онъ былъ въ окружности сажени четыре. Тѣмъ же самымъ ударомъ убило двухъ дикихъ козъ, которыя безъ сомнѣнія искали защиты подъ его вѣтвями. Сей дубъ , по старинному и вѣрному преданію , былъ посаженъ въ 38 годъ царствованія Генриха VI (то есть, въ шестомъ-надесять вѣкѣ).
Изъ Англ. Журнала.

Англичанинъ Гаммеръ нашелъ въ Египтѣ Арабской манускриптъ , который служилъ ключемъ для всѣхъ гіероглифовъ, изображенныхъ на пирамидахъ. Онъ занимается переводомъ его.

Г. Дезессаръ купилъ у Томасовыхъ наследниковъ всѣ манускрипты сего извѣстнаго Автора, и между прочими Эпическую Поэму, ПЕТРЪ Великій, которую мы знали только по отрывкамъ, напечатаннымъ въ

разныхъ Журналахъ. Она состоитъ изъ десяти пѣсней, и скоро выйдетъ въ свѣтъ, къ удовольствію Французовъ и Рускихъ.

Спихотворецъ Делиль отдаетъ въ печать новую свою Поэму *Несчастіе и жалость*; она есть картина Революціи и самое лучшее (какъ говорятъ) изъ его сочиненій. — Лагарпъ также въ какой-то духовной Поэмѣ описываетъ бѣдствія Революціи, осаду Ліона и Нантскія лотолленія или *нояды*. Можно знать напередъ, что въ ней будетъ много прекрасныхъ стиховъ.

Совы, ласточки, пауки, голуби, карпы и другія животныя, копорымъ человекъ рѣдко даетъ умирать въ покоѣ, лишились великаго покровителя въ Англійскомъ дворянинѣ Арчерѣ, которой не давно умеръ, и копорой славился болѣе своими странностями, нежели богатствомъ, имѣвъ 400000 рублей ежегоднаго дохода. Сельскій домъ его въ Эссексѣ былъ, по его приказанію, гостинницею веѣхъ дикихъ животныхъ, копорыя тамъ жили свободно и веселились. Сады служили для нихъ гуляньемъ. Двери были 18 лѣтъ запечатаны, и въ нѣкопорыя комнаты болѣе шридаши лѣтъ никто не заглядывалъ. Сторожу дома и садовнику велѣно было все оставить на попеченіе *Нашуры*; они не смѣли

сорвать ни одной травки, не смѣли выгнать ни одного звѣря; не смѣли бросить и камня въ пруды; должность ихъ состояла въ томъ, чинобы не пускалъ людей. Весь дворъ и берега прудовъ заросли густою травою; нигдѣ не показывалось слѣдовъ человеческихъ. Въ трубахъ жило безчисленное множество галокъ; печальная ночная птица, уединенная сова, занимала большую залу; библиотека, наполненная лучшими изданіями Англійскихъ Авторовъ, сдѣлалась убожищемъ голубей, которые дружелюбно раздѣлили между собою полки, и своею нечистотою закрыли весь паркетъ фута на два въ глубину; другая зала досталась паукамъ, которые настроили такое множество перегородокъ и коридоровъ, что и въ славномъ Лабиринтѣ было ихъ гораздо меньше. Погребъ оспался невредимъ; вино, ромъ и водка сохранились въ цѣлости. Господинъ Арчеръ имѣлъ другой великолѣпной замокъ въ Беркской провинціи: онъ содержалъ его въ чистотѣ и порядкѣ, но самъ жилъ въ маленькомъ домикѣ, въ совершенномъ уединеніи, никого не принималъ и никогда не хотѣлъ быть Членомъ Парламента; часто ѣзжалъ къ водамъ, всякой разъ въ богатой каретѣ, въ шестъ лошадей, и со всѣми знаками пышности; но и тамъ удалялся отъ лю-

дей, и даже ни съ кѣмъ не входилъ въ разговоръ.

Г. Цамбеккари, Болонскій Ученый, открылъ подписку для сдѣланія аэро-спаша или воздушнаго шара въ 33 футовъ діаметромъ, увѣряя, что онъ нашелъ средство править имъ на воздухѣ. Сей шаръ, чтобы поднять трехъ человекъ, долженъ стоить по крайней мѣрѣ 9000-рублей. Г. Цамбеккари надѣется, что любители Физики охотно помогутъ ему въ семъ случаѣ; онъ самъ хочетъ съспѣть на аэроспашѣ и возьметъ съ собою еще двухъ желающихъ.

Валлисская Принцесса (пишутъ изъ Лондона) живетъ весьма уединенно въ загородномъ домѣ своемъ: а Принцъ, супругъ ея, участвуетъ во всѣхъ весельяхъ Двора и столицы. Сія Принцесса опмѣнно любима всѣмъ Англійскимъ народомъ, какъ за ея разумъ, такъ и за великую добродѣтель. Она любитъ единственно тихія удовольствія чувствительнаго сердца; любитъ заниматься книгами, музыкою и благотворить бѣднымъ, скрываясь отъ ихъ признательности.

Кипайскія Провинціи (пишутъ изъ Кантона) Сегуэнъ и Конче, взбунтовались. Мятежники, по большей части горные

Жители и Сектаторы Индѣйскаго бога Фо, разбили нѣсколько отрядовъ Императорской арміи. Другія провинціи также готовы пристать къ нимъ и свергнуть его Ташарское. Китайскій Императоръ имѣетъ недостатокъ въ деньгахъ для содержанія арміи. Купцы сего города, называемые *Гонгами*, видя опасныя обстоятельства Имперіи, послали ему въ даръ 600,000 *таэльсовъ* (около 800000 рублей). —

Изъ Монитёра.

V.

Извѣстія и замѣчанія.

Естьли письмо, полученное въ Лондонѣ изъ С. Доминго и во всѣхъ Вѣдомостяхъ напечатанное, не есть выдумка, то сей несчастный островъ снова сдѣлался театромъ убійствъ и ужасовъ: Негры взбунтовались, рѣжутъ Европейцовъ, и хотятъ свергнуть Туссена. Къ счастью можно еще сомнѣваться въ истинѣ сихъ извѣстій, хотя весьма подробныхъ, но какъ — по несвязныхъ и безпорядочныхъ. По крайней мѣрѣ люди, свѣдущіе въ тактикѣ новостей, не хотятъ вѣрить тому до времени. — Новое Гваделупское возмущеніе остается также подъ сомнѣніемъ.

Въ Англіи распускающаюся сіи печальныя для Французовъ слухи, можетъ быть, съ намѣреніемъ; а можетъ быть они и справедливы — и въ такомъ случаѣ Бонапарте весьма ксташи ошправилъ войско въ Колоніи. — Въ одномъ письмѣ изъ Мартиники, помѣщенномъ въ Лондонскихъ Вѣдомостяхъ, досшойно замѣчанія слѣдующее:

„Опытъ доказываетъ намъ, что Муланшъ
 „самые злѣйшіе враги и бѣлыхъ и черныхъ.
 „Революція вселила въ нихъ удивитель-
 „ную надменность и склонность къ пи-
 „ранспву. Имъ мало того, чтобы рав-
 „няться въ правахъ своихъ съ Европей-
 „цами: имъ хочется господствовать и
 „повелѣвать; власполюбіе сдѣлалось ихъ
 „пламенною сираспю. Европейскія Пра-
 „вленія увидятъ, сколь опасенъ сей родъ
 „людей въ Колоніяхъ, людей дерзкихъ и
 „злыхъ. Спокойствіе острововъ тре-
 „буется, чтобы выгнать отъ насъ сихъ
 „новыхъ Карайбовъ; или черезъ десять
 „лѣтъ пропадутъ не только Французскія,
 „но и Англійскія Колоніи. Европа дол-
 „жна рѣшить, что лучше: изгнаніе Му-
 „ланшовъ или наша вѣрная погибель.“

Въ Лондонѣ все увѣрены, что мир-
 ный трактатъ съ Франціею или уже
 подписанъ въ Амьенѣ, или скоро будетъ
 подписанъ.

Бунтъ матрозовъ на разныхъ Англійскихъ корабляхъ хопя и скоро прекращенъ былъ швердоспїю Адмирала, однакожь оставилъ въ умахъ нѣкоторое безпокойство. Англія, сильная единствен-но флотами, должна бояться и малѣйшаго безпорядка въ семъ основанїи своего могущества. Въ послѣднюю войну она была на краю бездны отъ такого же бунта матрозовъ: одна смѣлая рѣшишельность Министровъ спасла ее отъ величайшей опасности.

Новый непрїятель (*) Англичанъ въ Индіи для нихъ теперь не страшень; но могутъ ли они бышь увѣрены въ долговременномъ послушанїи всѣхъ тамошнихъ народовъ? Политика Англіи въ разсужденїи Индіи осторожна и благоразумна; однакожь • всему есть предѣлъ, и 10000 Европейскихъ солдатъ не будутъ никогда спокойными властелинами милліоновъ людей, всегда гошовыхъ взбунтоваться по самому своему невѣжеству: ибо Компанія могла бы доказать Индѣйцамъ, естли бы Индѣйцы были умнѣе и просвѣщеннѣе, что она употребляетъ власть свою въ собственную ихъ пользу, храня благоустройство въ своихъ обширныхъ

(*) Полигары.

владѣніяхъ, и выгодами дѣятельной торговли оживляя трудолюбіе лѣнивыхъ народовъ.

Теперь глаза Политиковъ и всѣхъ любопытныхъ обращены на Ліонъ, гдѣ радостный народъ, забывая всѣ прежнія бѣдствія, изъявляетъ Консулу Франціи свою любовь и признательность, осыпаетъ цвѣтами пѣр улицы, на которыхъ еще недавно дымилась кровь жипелей, и торжественными монументами (*) закрываетъ, такъ сказать, монументы своего опчаянія, гробы опцовъ и дѣтей, бывшихъ жертвою свирѣпаго Колло д. Ербуа во время Робеспьерова., Ліонъ (говоритъ одинъ Журналистъ) „подобенъ человѣку, „копорый, долго спровавъ въ ужасахъ „темницы, вдругъ освобождается; вспааетъ „съ земли, омоченной слезами его люпой „горести; едва вѣритъ глазамъ и слуху „своему; идетъ медленно, и мало по малу „чувствуетъ обновленіе силъ своихъ. Сер- „дце его шипается цѣлебнымъ бальзамомъ; „раны закрываются; слѣды оковъ исче- „заютъ; онъ возраждается для надежды,

(*) Самый лучший изъ нихъ есть величественная арка или Тріумфальная вороша, слѣланная по образцу Римскихъ, Септимія Севера. На грудѣ оружія, копій и щитовъ, стоятъ двѣ славы съ трубами, и левъ, означающій городъ Ліонъ, спокойно опдыхаетъ на зелени.

„жизни и щасія — и сквозь легкое облако меланхоліи на лицѣ его видно одно душевное восхищеніе.“ Тамъ 480 Депутатовъ Чизальпиніи готовы принять слово Консула за уставъ для своего опеченства. Въ великолѣпной залѣ, копорой сводъ представляетъ ясное небо и напоминаетъ *Виргиліевъ стихъ: Разсѣявъ тучи, онъ намъ солнце возвращаетъ*, среди профеевъ и величественныхъ изображеній Тибра и Нила, Бонапарте, сидя на Консульскомъ тронѣ (*), долженъ чувствовать все то, чѣмъ онъ обязанъ Провидѣнію, и чѣмъ долженъ попомству. Онъ уже такъ славенъ, что ему мало думать только о слабѣ своей, копорая перелилась изъ одного вѣка въ другой: миръ и благоденствіе чловѣчества должны быть всего прелестнѣе для истинно-великой души.

„Здѣсь готовится множество баловъ для Перваго Консула (пишутъ изъ Ліона за нѣсколько дней до его пріѣзда): они составляютъ теперь предметъ всѣхъ разговоровъ. Въ каждой части города избранные Коммиссары записываютъ имена шѣхъ

(*) Въ залѣ, гдѣ должны собираться Чизальпинскіе Депутаты, сдѣлано для Консула возвышенное мѣсто.

„жителей, которые могутъ быть на сихъ
 „балахъ; и всякой спарается поспастъ въ
 „списокъ. Модныя лавки наши безпреспан-
 „но наполнены женщинами, покупающими
 „все то, что можетъ возвысить блескъ
 „ихъ красоты и прелестей. Въ самыя
 „лучшія времена Франціи не бывало въ
 „Ліонѣ такой роскоши, какъ теперь;
 „кажется, что мы вдругъ разбогатѣли,
 „и что золото упало къ намъ съ неба.
 „Сюда прѣехали Тальма, Весприсъ, всѣ
 „лучшіе Артисты Парижскихъ театровъ
 „и множество иностранцевъ, которыхъ
 „Ліонскіе пракпирци хотѣли обирать
 „безъ милосердія; но жители, узнавъ о
 „томъ, и желая, чтобы гости были со
 „всѣхъ сторонъ довольны, предложили
 „имъ свои дома и столъ за самую умѣ-
 „ренную цѣну. Вездѣ большіе обѣды,
 „концерты, праздники; на самыхъ ули-
 „цахъ гремитъ музыка для народнаго
 „удовольствія, и поселяне изъ окрестныхъ
 „деревень всякой день приходять въ
 „городъ веселиться.“

„Отсутствіе. Перваго Консула (пи-
 „шуть изъ Парижа) будетъ не долго-
 „временно. Здѣсь все спокойно и весело.
 „Второй и Третій Консулъ нѣсколько
 „разъ въ недѣлю приглашаютъ къ себѣ
 „на чай многочисленное общество, и часто

„дають концерты. Бонапарте хотѣлъ,
 „чтобы Префекты Дворца были женатые
 „люди, и могли жить открытымъ до-
 „момъ. Однимъ словомъ, у насъ есть опять
 „большой свѣтъ, безъ котораго многіе
 „люди не знали бы, что дѣлать въ свѣ-
 „тѣ. — Слухъ носится, что Первый
 „Консулъ въ самый часъ отъѣзда своего
 „подписалъ ратификацію мирнаго прак-
 „туса, заключеннаго въ Амьенѣ; но это
 „не вѣроятно. — Нѣкоторые строгіе люди
 „осуждаютъ Бонапарте, что онъ позволилъ
 „себѣ разсердиться на Трибуналъ, кото-
 „рый отвергнулъ первыя статьи Кодекса,
 „находя ихъ недостаточными. Сіи Кри-
 „тики говорятъ, что великой человекъ
 „долженъ быть выше всѣхъ обыкновенныхъ
 „движеній личнаго самолюбія; долженъ
 „думать только о пользѣ отечества; и
 „если новое Уложеніе необходимо для
 „Франціи, то Бонапарте напрасно ве-
 „лѣлъ объявить Законодательному Совѣ-
 „ту, что Правленіе отказывается отъ
 „сочиненія Кодекса. Это дѣйствіе досады
 „(humeur) и народъ не долженъ быть
 „жертвою личности. Члены Трибунала
 „поступили конечно не совсѣмъ благораз-
 „умно, и многія ихъ возраженія были
 „только прищипками; но Консулы могли
 „бы доказать свою ревность къ общему

„благу, исправитъ спашьи сообразно съ
 „замѣчаніями Трибуната, и снова пред-
 „ложитъ ихъ. Такъ думаютъ, какъ я
 „сказалъ, наши строгіе Критики; а пуб-
 „лика, *comme de raison*, ничего не ду-
 „маетъ.“

Швейцарія, особливо горные Кантоны, все еще въ волненіи. Ландманъ Редингъ, одинъ изъ знаменитыхъ патріотовъ, возвратился изъ Парижа въ Бернъ, съ увѣреніемъ, что Бонапарте готовъ подкрѣпить всѣми силами благомыслящихъ Швейцаровъ, естѣль они согласятся между собою въ системѣ лучшаго правленія для ихъ Республики. Попомки Телевы имѣютъ нужду въ великомъ челоѣкѣ, который могъ бы рѣшительно дѣйсво-вать на умы и соединять ихъ въ одну волю; но Бонапарте справедливо сказалъ, что Швейцарія осталась на волнахъ безъ кормчаго. Великіе люди не вездѣ и не всегда рождаются; не всякой можетъ ударить Нептуновымъ презубцемъ по морю и укротить волны Революціи.

Пробѣгая взоромъ Европу, видимъ Короля (*), не хопящаго ѣхать въ свое Королевство и желающаго остаться въ чужой столицѣ (**), въ которую ея Король

(*) Сардинскаго.

(**) Въ Неаполѣ.

не возвращается; видимъ новаго Монарха Эшруріи, слабаго здоровьемъ, но дѣятельнаго для блага своихъ подданныхъ; видимъ Принца Оранскаго, спокойно живущаго въ своемъ маленькомъ Княжествѣ, и любимаго народомъ, который радуется его присутствію. . . Можетъ быть, потерявъ надежду возвратиться съ торжествомъ въ Голландію, онъ теперь šťastливѣе, нежели прежде!

Пасванъ-Оглу, по новѣйшимъ извѣстіямъ, не намѣренъ такъ скоро примириться съ Портою. Бѣлградскіе Янычары, тирански умертвивъ Папу, объявили Пасвана единственныиъ своимъ начальникомъ; слѣдственно Бѣлградъ теперь ему принадлежитъ, если газеты насъ не обманываютъ. Въ слѣдующемъ номерѣ *Вѣстника* сообщимъ нѣкоторыя извѣстія о семъ необыкновенномъ чело-вѣкѣ, который, не смотря на множество чрезвычайныхъ происшествій нашего времени, нѣсколько лѣтъ судьбою своею занимаетъ любопытство Европы.
